

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 189–232.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 4. P. 189–232.

Архивная публикация / Archived Publication

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-189-232

Э. М. АРНДТ [ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ В 1812 ГОДУ] (Фрагмент «Воспоминаний из внешней жизни»)

Ирина Николаевна Лагутина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, irina.lagoutina@gmail.com

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Арндт Э. М. [Путешествие в Россию в 1812 году] (Фрагмент «Воспоминаний из внешней жизни») / пер. с нем., примеч. И. Н. Лагутиной // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 189–232. doi:/10.17323/2658-5413-2022-5-4-189-232.

Memory of Culture

E. M. ARNDT

[TRAVEL TO RUSSIA IN 1812]

(The Fragment of “Memories from the External Life”)

Материал публикуется в качестве приложения к статье Лагутина И. Н. Воспоминания немецкого поэта Э. М. Арндта о его путешествии в Россию в 1812 году // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 183–188. doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-183-188. Перевод выполнен по изданию: *Arndt E. M. Erinnerungen aus dem äußeren Leben*. Herausgegeben von Robert Geerds, Leipzig: Reclam, [o. J.]. S. 124–176.

© Лагутина И. Н., перевод на русский язык, примечания, 2022

Irina N. Lagutina

National Research University “Higher School of Economics”
(HSE University), Moscow, Russia,
irina.lagutina@gmail.com

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Arndt, E. M. (2022) “[Travel to Russia in 1812] (The Fragment of ‘Memories from the External Life’)”. Transl. from the German, notes by I. N. Lagutina, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(4), pp. 189–232. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-189-232.

В середине мая 1812 года Наполеон прибыл в Дрезден, созвав на последний большой совет королей и герцогов¹. 29 мая он спешно выехал из Дрездена в Польшу. Теперь я уже больше не сомневался, что будет война. В июне я поехал в Прагу, решив сделать всё возможное, чтобы прежде, чем дороги будут заблокированы, перебраться как можно дальше на восток.

Мы знали пророчество Наполеона по поводу скифского похода. И оно сбылось. Только, увы, Господь приложил его к противной стороне, да и исполнено оно было людьми. Христианский Бог даже в своих прорицаниях наказывает дерзость и гордыню.

«Всеобщая газета» сообщила об отъезде этого ужасного человека из Дрездена, написав: «Благодаря особым обстоятельствам, Дрезден наслаждался счастьем целых двенадцать дней обладать величайшим героем и властителем столетия, и это навечно останется в памяти истории. Каждая минута была судьбоносной, а благодаря важным решениям, последствия ведущихся здесь переговоров и намеченных мер еще удивят всю Европу».

И он сам употребил в объявлении войны, которое 22 июня было издано специально для солдат², такие слова: «Неизбежная судьба влечет за собой Рос-

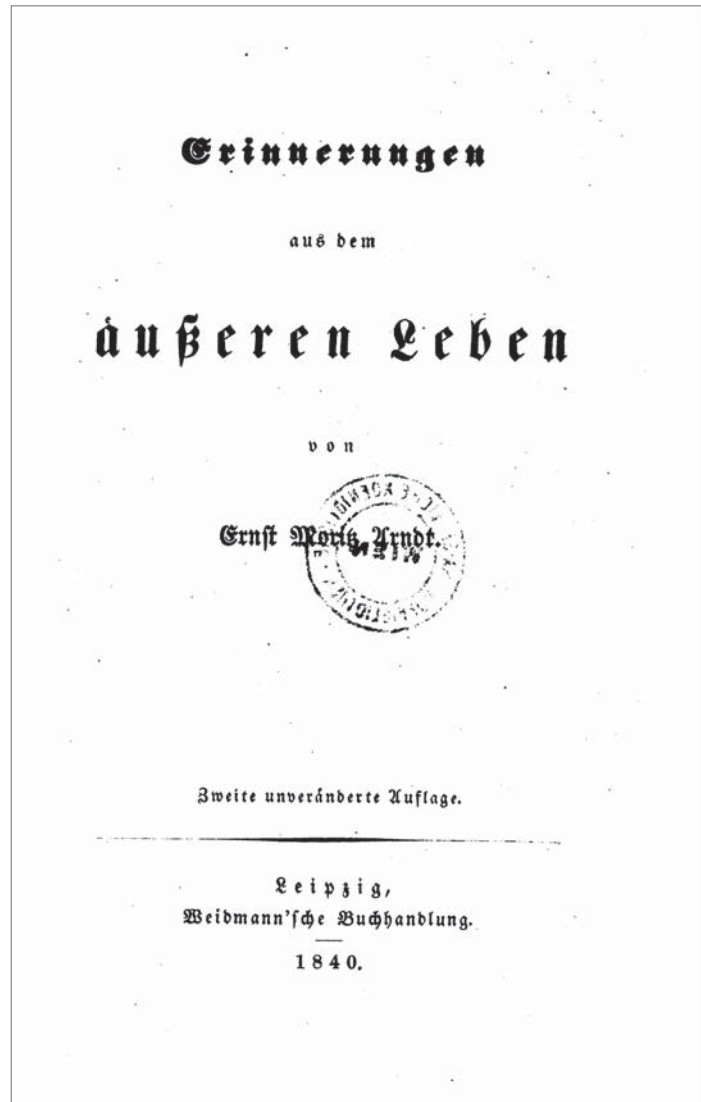
¹ 16–28 мая 1812 года в Дрездене проходила встреча «союзных» монархов Европы, на которой присутствовали Наполеон, австрийский император Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм III, их супруги и придворные, маркиграфы, герцоги, великие герцоги Германии и где обсуждались совместные планы предстоящей войны с Россией. Наполеон прибыл в Дрезден 18 мая, а 29 мая отправился на место дислокации Grande Armée на реку Неман, разделяющей Пруссию и Россию, чтобы принять командование войсками.

² 22 июня 1812 года Наполеон обратился с воззванием к войскам, в котором обвинил Россию в нарушении Тильзитского соглашения и объявил ей войну.

сию. Воля судьбы должна быть исполнена».

В Праге я встретил Грунера. Тот мне сразу сообщил, что министр фон Штейн, которого император Александр вызвал из Праги в Петербург, требует меня к себе, и как можно скорее. Грунер сказал, что мои бумаги для въезда в Россию уже готовы, и удивился, что я так поздно появился в Праге: ведь он написал мне в Бреслау уже несколько недель назад; но я его письма не получал.

Теперь возник вопрос: каким образом при сложившихся обстоятельствах я мог бы въехать в Россию наиболее коротким, быстрым и надежным путем? Как получить паспорта для проезда через австрийские земли? Война была объявлена, и, вероятно, уже начались военные действия; а Австрия была союзником Наполеона против России. Мы решили, что для меня, незначительного простого человека, получить паспорт для такого путешествия будет невозможно; и мне, пожалуй, следует поехать назад на север к Балтийскому морю и совершить северо-восточный переход, пробившись из тамошней гавани через Швецию. Однако, к нашему счастью, нашелся выход, который предоставлял некоторые гарантии, хотя мог и не удалиться. Нужно было решаться. Мы нашли мелкого купца, урожденного жителя Вены, который, будучи контрабандистом, привык курсировать между Богемией, Силезией, Венгрией и Польшей через Исполинские горы и Карпаты. Он планировал поездку в Броды. Я вызывался взять на себя издержки путешествия, если он впишет меня в свой паспорт как своего компаньона или слугу. Так мы и договорились.

Э. М. Ардт. «Воспоминания из внешней жизни». Обложка первого издания

Теперь скажу несколько слов о Грунере³. До Берлина я его никогда не видел и не слышал его имени. Но он стал одним из моих верных друзей. Он был шефом полиции и врагом Франции. Ловкий и любезный мужчина, проворный телом и духом, такую проворность я не ожидал встретить в Вестфалии. То, что он был объявлен вне закона и вынужден был скрываться в Праге, было не удивительно. Говорили, что он настолько известен у французов, что они наверняка потребовали бы его выдачи, останься он в Пруссии. О его должности в Праге я ничего не знаю, кроме того, что, по слухам, он при всяком удобном случае передавал в Россию сведения и сообщения. Также я слышал, что он находился на постоянной русской службе и имел определенные обязанности, обладая для подобных целей денежными средствами, и что он получал из России жалование.

Об этом ничего определенного сказать не могу, поскольку я не являлся хранителем его секретов и не был его доверенным лицом. Говорили, что Грунер примерно через месяц после моего отъезда был арестован в Праге, вероятно, по подозрению в шпионаже, заключен в венгерскую крепость, откуда был освобожден только после Лейпцигского сражения. Позже, когда он был наместником на Среднем Рейне и в герцогстве Берг, я с ним некоторое время общался, и он оставил в моей памяти только приятные воспоминания. Он был талантливым, живым, остроумным человеком, легким и мягким по натуре. К его чести следует добавить, что этот жизнерадостный человек во всех своих якобы неблагоприятных поступках оставался благородным и верным. Его ошибки видели все, его любовь и верность знали и уважали только друзья и близкие.

Итак, я начал свое путешествие вместе с моим австрийцем. Это был маленький и худощавый человек, и, как мне казалось, решительный и отважный. Поэтому я надеялся найти в нем быстрого и проворного попутчика, который мог бы легко справиться с любыми задержками в дороге, ибо для меня было важно добраться до места как можно быстрее. Я опасался, что местность, через которую я надеялся незаметно проскользнуть, из-за военной суеты станет нам преградой. О, как я просчитался! В этом худом теле скрывался настоя-

³ Карл Юстус Грунер (Gruner, 1777–1820) — прусский государственный тайный советник, с 1809 года — первый президент полиции Берлина, с 1811 года — начальник государственной полиции Пруссии. В 1812 году после заключения Пруссией союза с Францией ушел в отставку и уехал в Прагу к Штейну, где совместно с ним готовил антинаполеоновское восстание в Северной Германии. По заданию императора Александра I создавал тайную агентурную сеть по сбору информации и диверсиям в тылу французской армии; в августе 1812 года был арестован австрийским правительством и до осени 1813 года находился в заключении в крепости Петервардайн, после освобождения являлся членом центрального управления по делам Германии (губернатором великого герцогства Берг и генерал-губернаторства Среднего Рейна). После битвы при Ватерлоо с июня 1815 года был начальником полиции в Париже, затем посланником в Швейцарии.

щий австриец, истинный житель Вены, который не мог устоять перед запахом жареного петуха. Поэтому мы останавливались поесть и выпить на каждой почтовой станции.

Но я был терпелив, и когда понял его натуру Санчо Пансо — всё же он ехал в моей карете, — попытался получать удовольствие. Меня даже не слишком сердили быстро исчезающие дукаты, ведь столь ценное для меня время требовало расточительства. Моя роль при этом была довольно забавной. В крепости Ольмюц мы заехали в один превосходный постоялый двор. Мой спутник велел быстро принести хороший обед и лучшего венгерского вина, сел за стол и сказал: «Если вы сядете рядом со мной за стол, как мой товарищ, это будет выглядеть опасно и подозрительно. Лучше останьтесь снаружи и походите вокруг кареты, будто вы ее чините». Он просидел за столом добрые полтора часа, ожидая, пока приготовят смену почтовых лошадей, а я всё это время гулял под дождем, наслаждаясь бутылкой плохого вина и бутербродом. Когда мы на следующий день прибыли в одно прелестное сельское местечко возле Бялы, ему было всё еще плохо от выпитого вчера вина, и он, словно знатный барон или развеселый студент, выкинул из окна несколько бутылок вина, купленных на мои деньги. «Здесь живут полуполяки, — сказал он, — нужно их задобрить».

За исключением подобных происшествий мне путешествие нравилось. Моя доброта оказала на австрийца усыпляющее действие, большую часть путешествия он храпел, а я радостно и безмятежно наслаждался чудесной страной Богемией, богатой Моравией и прекрасной Галицией перед Карпатскими горами. Да, Галиция тоже была красивой страной, где постоянно менялись пейзажи, то холмы, то луга и поля. Только, к сожалению, повсюду встречались сарматская грязь и польские попрошайки; самые жалкие хижины бедняков стояли по соседству с замками магнатов; грязь и нужда возрастали, чем дальше мы отъезжали от немецкой границы и чем ближе подъезжали к еврейскому городу Броды.

И вот мы возле русской границы. Теперь я сбросил маску слуги и облачился в нарядный костюм. Мой спутник был рядом. Мое сердце стучало, когда я заметил возле пограничного шлагбаума перед Радзивиловым летучие маленькие знамена и дюжину верховых казаков. Мой прежний господин толкнул меня в бок и прошептал: «Разрешите мне проехать немного вперед и дайте мне пять дукатов, я знаю этих парней, здесь можно удачно поторговать». Но теперь я заупрямился, поняв, что плут хочет напоследок вытянуть еще немного денег, крикнул ему: «Адью» — и вытащил свой великолепный паспорт. Пограничники, взглянув на него, почтительно поклонились, отправив меня в изящное и приветливое таможенное здание. Таможенный инспектор, русский надвор-

ный советник — кажется, это был курляндец по имени Гизе — посмотрел мой паспорт и дружески пригласил меня в дом, где я поздоровался с его женой, весьма милой полькой, приветствовал других дам и потом был препровожден в симпатичную комнатку. Я стал расспрашивать таможенника о войне и военных бедствиях, попытавшись вытянуть подробности о моем дальнейшем путешествии. Он мне на это ответил: «Вы только что приехали, давайте пообедаем. Сегодня вы останетесь здесь, отдохнете до утра, а завтра мы всё обсудим».

Здесь и в Бродах бурлила веселая жизнь. Вокруг сновали австрийские и русские чиновники, на австрийской стороне не было даже пограничников, и несколько австрийских офицеров, которые вместе с пруссаками горели желанием фехтовать против французов, бегали целыми днями туда и обратно. Среди них был полковник Теттенборн⁴ и ротмистр Мойрер, которого я позже встречал еще в нескольких местах, а потом в Петербурге.

Я был счастлив, вместе с моим контрабандистом пройдя через чистилище, и вскоре позабыл свою досаду и потерянные дукаты. Из грязи еврейского хозяйства на последней почтовой станции я был вдруг перенесен в рай. Великолепный обед, превосходное венгерское вино, прекрасно образованные женщины, говорившие по-немецки и по-французски, приветливый хозяин. Этот рай стал еще более приятным, когда мой хозяин сделал открытие, превратившее его приветливость почти что в нежность. До сего времени я приписывал всё свое счастье содержанию паспорта. Теперь выясилось еще кое-что, и я понял, откуда исходило его гостеприимство, изливания его веселого, нежного и чувствительного сердца. Когда мы вместе опустошили, непринужденно болтая, уже несколько бутылок вина, он спросил меня, как точно звучит моя фамилия, которую он не точно понял из моего паспорта. Я сказал: «Ардт». «Ардт? Неужели Ардт? — воскликнул он. — О, когда я учился в Йене, у меня был близкий друг, его звали Фридрихом Ардтом, он был из Померании; мне показалось, будто Вы на него похожи». И он побежал в другую комнату, принес семейную книгу для памятных записей и показал мне шутку, которую туда вписал мой брат. Как только я ему сказал, что его Фридрих Ардт — это мой брат, и рассказал ему, как и где он сейчас живет, я сразу стал другом семьи

Позже мы говорили о моей поездке в Москву и Петербург, и он сказал: «Согласно вашему паспорту, вы получите фельдъегеря, и всё будет хорошо. Но

⁴ Барон Фридрих Карл Теттенборн (Tettenborn, 1778–1845) — австрийский офицер, один из легендарных героев Наполеоновских войн. В 1812 году вышел в отставку, прибыл в Петербург и 31 августа 1812 года был принят на русскую службу, участник многих боевых действий на территории России и Пруссии, награжден русскими орденами и золотой саблей с алмазами. В 1813 года был командиром армейского «летучего» отряда, затем в чине генерал-майора — командиром бригады 3-й уланской дивизии. В 1818 году покинул Россию, уехав на родину в Баден.

может быть еще лучше. Мы получили известие, что завтра или послезавтра сюда из Вены придут чиновники русского посольства, и я должен сделать необходимые приготовления. Вам подвернулся прекрасный случай, вы можете поехать вместе с ними, это будет удобнее и надежнее». Я согласился с приветливым хозяином и провел у него еще пару ночей.

На другой день рано утром прибыл караван, к которому я должен был присоединиться. Он прибыл на двух представительных экипажах и, кажется, вез с собой багаж русского посланника. Он состоял из трех должностных лиц и нескольких слуг. Первым лицом был маленький, очень подвижный, дружелюбный и разговорчивый человек, легационный советник граф Рамзай фон Бальмен, вторым — француз *le Marquis de Favars*⁵, молодой потрепанный оболтус, третьим — капитан русского флота, красивый мужчина, урожденный грек, но, к сожалению, похожий на испорченного неженку самого наихудшего толка. Он провел последние годы в Париже в свите русского посланника князя Куракина. С этой троицей через несколько часов я и пустился в путь.

Я присоединился к маленькому графу и, после остановок вместе с ним на нескольких почтовых станциях, обнаружил, что сделал удачный выбор. Этот человек позже получил известность как один из охранников, сопровождающих Наполеона на остров Святой Елены⁶. Он происходил из старинного шотландского рода, был католиком, воспитанным иезуитами в Могилеве, не лишен ума и живости, а также разнообразных отрывочных и расплывчатых знаний; при этом отличался чрезмерной и смешной, но всё же весьма добродушной болтливостью. Я с умом использовал этого юношу, общество которого при более длительном совместном пребывании могло быть мне в тягость, чтобы извлечь из него кое-какую пользу. Я навел его на разговор о нравах и обычаях той части России, где он больше всего жил, и его беседа, часто слишком навязчивая, становилась приятной и поучительной. В нем я не заметил мужских и воинственных качеств и поэтому немало удивился, когда он сообщил, что у него есть брат, генерал-майор армии, и он сам вскоре возьмется за шпагу для защиты отечества. Действительно, через несколько недель я прочел в газетах, что он произведен в полковники.

⁵ Маркиз де Фавар (*фр.*).

⁶ Граф Александр Антонович Рамзай де Бальмен (1779–1848) — русский генерал-майор, секретарь дипломатической миссии при венском дворе, в 1812 году на дипломатической службе в Лондоне, с сентября 1813 года в действующей армии под началом генерала Бенкендорфа. С 1816 по 1821 год — русский комиссар при Наполеоне на острове Св. Елены. Его служебные донесения управляющему иностранной коллегией графу К. В. Нессельроде опубликованы в издании: Из бумаг графа де Бальмена // Русский архив. 1868–1869.

Мы ехали через Волынь, прекрасную, богатую страну. Здесь живут так называемые червоноруссы. Эти люди показались мне серьезнее и тоньше, чем виденные мной до тех пор поляки. По мере того как мы продвигались вглубь страны, поля, луга и даже жилища становились всё лучше и опрятнее — местами даже не хуже, чем в Северной Германии. Мы видели прекрасных породистых лошадей, тучные луга, на которых пасся серебристо-серый крупный рогатый скот, той породы, которая тысячами пригоняется из Венгрии в Вену. Здесь были видны признаки серьезного пчеловодства, встречались ульи высотой в полтора человеческих роста, выдолбленные из древесных стволов; мы видели в лесу деревья с еще зелеными верхушками, просверленные на высоте 10–15 локтей над землей, населенные пчелами, запертые дверцами с клапанами. Также повсюду под деревьями возвышались колья, я думаю, чтобы пронзать медведей, карабкающихся за медом на деревья.

В городе Житомире мы стали свидетелями великолепного зрелища. Мы обедали в одном постоялом дворе, хозяином которого был еврей. Неожиданно раздается сильнейший звон и треск одновременно громыхающих инструментов и такой шум и беготня людей, что мы все бросились к окнам. Что мы увидели? Это был божественный спектакль, великолепная еврейская свадьба или, точнее, свадебный хоровод. Вокруг рыночной площади этого, впрочем, грязноватого города танцевало и кружилось несколько сотен евреев, старых и молодых, мужчин и женщин, юношей и девушек, захватывая самое дальнее кольцо домов, с хороводами, скрипками и волынками, с шумом и звоном. Это был прелестный и поистине дикий сумбур, и мы повеселились на славу. Роскошные наряды, грациозные фигуры, на шеях и головах блестели жемчуг, золото и серебро. Мне бросилось в глаза, что в Польше гораздо больше, чем в Германии, благородных еврейских типов мужчин и женщин, больше степенности и спокойствия в нравах и обычаях, чем встречается в наших беспокойных, любопытных, всё ощупывающих и обшаривающих иудеев. Частично это может быть связано с тем, что евреи здесь во многих местах живут большими станицами, а также потому, что многие из них занимаются более спокойными и полезными работами, земледелием и скотоводством.

Наконец, мы прибыли в Киев на Днепре, когда-то величественную столицу созидающейся Российской империи, в котором до сих пор сохранились следы бывшего великолепия. Когда мы подъезжали к городу, было прекрасное летнее утро, и нас, иностранцев, поразило чудесный блеск вдали. Для меня это было первое мерцание (*Vorschimmer*) Востока, все эти сияющие золотом колокольни и купола церквей и монастырей, множество величественных зданий домов. И всё же этот город, когда мы в него въехали, показался мне из-за многих об-

ширных пустырей покинутым, словно прекрасная развалина прошлого. Город имеет королевское расположение на холмах. Мы остановились в импозантном дворце одного еврея, где нас встретило очень красивое семейство — мать и несколько дочерей, и сказали, как когда-то генерал Олоферн: «Поистине, у иудеев прекрасные жены».

За Киевом располагалась богатая и тучная местность, но всё же несравнимая с ранее виданными угожьями. Евреев было меньше, хотя некоторые из них и живут на левом берегу Днепра. Вскоре мы прибыли в настоящую Россию. Всё стало опрятнее и чище, дома лучшей постройки, деревни расположены удобнее, люди крепче на вид и лучше одеты. Но дни стояли очень жаркие, и в домах нас преследовало ужасное бедствие, которого до сих пор мы в такой мере не ощущали, хотя ни один смертный не может спастись в Польше от известных паразитов. Дело в том, что дома кишели блохами, и хотя это не были крупные животные итальянской породы, но при всей своей малости достаточно злые, чтобы доводить нас до отчаяния. Действительно, на некоторых почтовых станциях мы набрали так много блох и паразитов, что приходилось делать остановку в первом же попавшемся лесочке или в кустарнике и, раздевшись почти догола, несколько минут вытряхивать и выколачивать на ветру наше платье, чтобы послать на все четыре стороны жалящее и мучающее нас отродье. Мы встретили здесь деревни, заселенные раскольниками, русской сектой староверов, и к нашему удивлению, видели, как женщины разбивали лохани, в которых мы мыли руки. Ведь то, чего близко касался иноверец, считается у них нечистым. Миски, из которых они ели ложками и не касались их руками, не считаются в такой мере оскверненными.

В эти дни мы могли наблюдать, как в России следует обращаться с почтовыми лошадьми, или скорее как обращаются с ними фельдъегеря и как обращаться нельзя. Когда лошади были загнаны и больше не могли бежать с высокой скоростью или казались фельдъегерю недостаточно сильными и они обнаруживали недалеко от дороги табун пасущихся лошадей, то они стрелой влетали и выхватывали лучших, распрягали своих, быстро впрягали пойманных и... пошел!!! (raschol!). Однако я видел не раз, что пастухи, как только замечали вдали почтовую карету, уносились со своим табуном как молния, чтобы фельдъегеря их не настигли. Обычно бывает и так, что во время остановки ямщик вынимает свой серп и выкашивает на полях столько клеверу, горошка, овса, сколько нужно лошадям. Это мне напомнило описания путешествий по Молдавии и Валахии.

Когда мы переехали через Днепр, нам нужно было немного привести в порядок карету, и я поехал вперед один, обещав на ближайшей почтовой стан-

ции заказать ужин и чай. Так я и сделал, но проходили часы, а мои отставшие путники всё еще не приехали. Я подумал, что у них сломалась карета или случилось что-то ужасное. Наконец, они медленно подъехали, вышли еще медленнее из кареты и пошли куда-то вбок, не глядя друг на друга. Маленький граф Рамзай, весь багровый и с выражением ужаса на лице, будто с ним произошло большое несчастье, подошел ко мне и поведал, что оба его спутника так сцепились друг с другом, беседуя о Париже и французах, что он боялся, что дело дойдет до кровавой разборки. Маркиз уже заговорил о пистолете и пулях, и он не знал, как растащить и угомонить этих дикарей. Для него это могло стать очень опасным, для него, маркиза, протеже генерала австрийской службы, принца де Роган (Prinz von Rohan), привязанного к нему от души, его семья имела большие связи, в том числе и в Петербурге, и если бы с юношей что-нибудь случилось, он был бы виноват. Тут я его прервал, громко рассмеявшись: «Дорогой граф, довольно думать о таких жутких и кровавых последствиях! Взгляните на них, это не болтуны и не балаболы, пойдите к ним, это мой совет, и скажите, что сейчас удобный случай загладить ссору, сразившись на саблях или пистолетах: мы здесь одни как перст, в сотню шагов от почтовой станции симпатичный маленький кустарник, а у нас в изобилии оружие и порох. Пусть они отведают душу, охладив свой пыл в лучах прекрасного вечернего солнца». Сначала он не хотел этого делать, но когда он передал маркизу мое благородное предложение, тот ответил, сделав легкий французский кульбит, с кротким овечьим выражением лица: «Ба! Маркиз фон Фавар дерется на дуэли с греком!? Это смешно, ведь сейчас можно драться на полях сражений! И признайтесь, господин граф, наша ссора была ребячеством!» Всё же, — продолжил он — он был рад отделать своего противника-грека, потому что не мог уже терпеть его постоянно улыбающуюся физиономию. Итак, примирение состоялось, и я предложил свои услуги, чтобы развести двух своенравных задиристых индюков и взять француза в свою повозку. Это было, конечно, большой жертвой мира. Бедный ветреный паренек, бежавший как ребенок из Франции, когда голова отца, одна из первых жертв переворота, пала под ударом гильотины!⁷ Добавлю, что им поистине владел демон романской живости, и он меня утомял хвастливыми рассказами о своих будущих деяниях. На моей карете он

⁷ Возможно, Арндт по памяти, почти через 30 лет, не вполне точно помнит имя и излагает обстоятельства жизни маркиза, и речь может идти о Шарле де Фавра (de Favras), сыне повешенного в революционной Франции в 1790 году заговорщика, пытавшегося устроить побег короля, маркиза Тома де Фавра, женатого на немецкой принцессе Виктории Каролине фон Анхальд-Бернбург-Шаумбург, покровителем которого был Шарль де Роган, принц де Субизе. После казни отца Шарль де Фавра вместе с матерью покинул Францию, поступил на австрийскую службу, а потом в русскую армию.

уже сформировал казачий полк, который не пощадит ни одного французского солдата наполеоновской армии и проч.

Веселее этой пустой сорочьей болтовни о войне, которая до военного времени раздавалась только из уст прекрасных жительниц Вены в бальных залах, была военная суматоха, или скорее суэта военных соборов. Тысячи подвод с провиантом, с рекрутами для армии, десятки тысяч быков и лошадей, которых гнали туда же, целые колонны улан и казаков, а также конвои отдельных арестантов, передвигающихся пешком и на телегах (вроде бы это не были военнопленные, но политические арестанты), бескрайние ночные костры, разожженные солдатами и пастухами, вперемешку, шумный людской водоворот, а кое-где даже песни и пляски. Весело и диковинно выглядели при свете луны и звезд толпы прыгающих, обнаженных людей, которые махали над кострами, на которых что-то варилось и жарилось, своими рубашками и панталонами, вытряхивая паразитов в потрескивающее пламя. Я этому дивился, но ведь и мы были вынуждены делать нечто похожее по той же самой надобности при свете дня. И всё же мне такое поведение представлялось немного татарским и варварским. Таким образом, среди подобных увеселений я почти смирился со своим надоедливом и невеселым обществом, переносил почти спокойно жару и пыль, плохую еду и дрящущее часами ожидание лошадей (ведь этой дорогой по экстренной надобности ехало множество путешественников, а нам всегда было нужно двенадцать лошадей), и даже кровожадную назойливость русских мух и блох, не считая слепней, облепивших вереницы лошадей.

Я посетовал на плохую пищу. Крестьяне в деревнях были почти всегда приветливы и услужливы, всегда готовы нам помочь, но многие крестьянские избы были обчищены вплоть по последнего общипанного петуха, и мы были рады, если могли достать немного хлеба, молока и водки. Впрочем, в других местах, например в Чернигове, дела у нас пошли отлично, и мы не жаловались на отсутствие северного гостеприимства. Русские купцы в небольших городках и поселках зазывали нас с радушным насилием в свои дома, угощали великолепным чаем и бутербродами, русские дворяне, жившие в местах, где находились почтовые станции, вели нас с патриархальным гостеприимством в изящные залы, потчуя разносолами и напитками. Евреев больше не было видно, разве что среди ямщиков и погонщиков скота, а также на почтовых станциях, где они сопровождали ехавших издалека — из Пешта, Яссы или Константинополя — иностранцев (немцев и англичан) в качестве помощников или переводчиков. Так как они приехали в Россию именно в этом качестве и у них нет своего жилья, то они могут тут оставаться лишь ограниченный срок. Примечательно, что все польские евреи говорят и

понимают по-немецки; это наводит на мысль, что они некогда переселились из Германии с запада на восток, в Польшу и Литву, а также южнее — в прикарпатские соседние страны. Их верность и надежность в этих делах общеизвестна. Меня радовали русские ямщики и почтари, их веселый и живой нрав. Даже если грубые фельдъегеря, как мне казалось, часто без малейшего повода колотили бедных ямщиков по спине, как по доске, с них всё стряхивалось как с гуся вода, они вскакивали на своих лошадок и вновь принимались весело петь, свистеть и щелкать. Казалось, со своими лошадьми эти дети природы говорят пением, свистом и прибаутками; и они совершенно друг друга понимали. Ведь лошадь, не имеющая надежной сбруи и управляемая только одной-единственной длинной вожжей, повинуетя беспрекословно при малейшем движении каждому знаку, звуку и свисту своего возницы. Я заметил здесь у людей величайшую нежность к этим животным, как бы дико, грубо и жестоко не обходились они с себе подобными.

Добрую часть моего дневника украли во время моего возвращения через Польшу вместе с другими ценными вещами, и я не помню точной даты нашего прибытия в знаменитый город Смоленск. Должно быть, это случилось в первые дни августа. Было ясное утро, солнце уже взошло, мы ехали медленно, часто останавливаясь на пять-десять минут, минуя буйный военный лагерь, пробираясь сквозь строй кирасиров, казаков, артиллерийских расчетов, засыпанные и пропитанные, словно пудрой, жуткой пылью. Наш писатель Мёзер⁸ когда-то точно сказал, что пыль — это пудра героев. Наконец мы проникли в город и очутились в сотне шагов от рекомендованной нам гостиницы, хозяином которой был честный немец итальянского происхождения Симон Джаампа. Было около десяти часов, и наши желудки и гортани уже с восхода солнца алкали сей вожделенной цели. Наконец мы протиснулись сквозь толкотню людей и лошадей вовнутрь двора. На лестнице я встретил одного немецкого офицера, бравого саксонца, майора Бозе⁹, с которым я близко сошелся позже в Петербурге, и на наши мольбы о вине и хлебе он ответил: «Господа! Терпение! Терпение! Я уже послал своего слугу и сам сижу в ожидании обеда более часа. Здесь ничто так просто не достанешь — ни комнаты, ни еды. Вы же видите, что казачьи и уланские офицеры заняли весь двор и дом; мимо них и мышь не протиснется». Мы терпеливо расположились рядом с ним на ступеньках лестницы, а наш маленький граф убежал и вернулся через час с бутылкой плохого донского вина и краюхой хлеба, прокричав: «Это стоит дукат, поделимся!» Мы

⁸ Юстус Мёзер (Möser, 1720–1794) — немецкий писатель, юрист, историк.

⁹ Барон фон Номен Нескио Бозе (Bose) — немецкий майор, перешедший из саксонской армии на русскую службу, один из организаторов и членов Русско-немецкого легиона.

так и сделали, добыли еще бутылку воды, угостив и саксонца. Только к вечеру толпа схлынула и мы, наконец, получили пару комнат и несколько жареных кур. Уже шла война, весь город и поле кругом были одним большим лагерем, ежедневно прибывали новые войска, так как Барклай-де-Толли и князь Багратион объединили свои силы¹⁰.

Мне снова улыбнулось счастье. Здесь находились несколько немецких офицеров, частью уже служивших в русской армии, частью собиравшихся в нее вступить, саксонцев, австрийцев, пруссаков — всех, кто наточил свои мечи и ожесточил сердца против французов. Я встретил своих старинных знакомых: дорогого графа Шазо¹¹, храброго испанца Лео Лютцова¹² — своего земляка, неугомонного Густава Барнекова¹³ с острова Рюгена и т. д. Шазо, зная мою натуру Санчо Пансы, позаботился о моем пропитании, хотя здесь едва ли можно было добыть еды даже за деньги. Он был генерал-адъютантом в бригаде принца Ольденбургского-старшего (ныне царствующего герцога)¹⁴ и ежедневно обедал за столом дивизионного генерала, герцога Александра фон Виртем-

¹⁰ Князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761–1818) — российский генерал-фельдмаршал, в 1812 году был генералом от инфантерии, военным министром и командующим 1-й Западной армией, размещенной на границе Российской империи в Литве. Отступая под натиском французов, под Смоленском в начале августа 1812 года Барклай-де-Толли соединился со 2-й Западной армией Петра Ивановича Багратиона. В 1813–1814 годах он будет командовать объединенной русско-прусской армией в составе Богемской армии австрийского фельдмаршала князя Шварценбурга.

¹¹ Граф Людвиг Август Фридрих фон Шазо (Chasot, 1763–1813) — сын любимца короля Фридриха Великого французского дворянина на прусской службе Эгмонта фон Шазо и дочери известного итальянского художника Стефано Торелли; офицер прусского кирасирского полка, с 1804 года флигель-адъютант прусского короля Фридриха Вильгельма III, затем комендант Берлина. В 1812 году перешел на русскую службу, приехав в Россию для организации Русско-немецкого легиона, умер от тифа в 1813 году.

¹² Леопольд Вихард Генрих фон Лютцов (Lützow, 1786–1844) — сын прусского генерал-майора Иоганна Адольфа фон Лютцева и младший брат знаменитого партизанского командира барона Людвиг Адольфа Вильгельма фон Лютцова (см. примеч. 37). Один из немногих немецких офицеров, для борьбы с Наполеоном «сменивших» четыре армии — прусскую, австрийскую, испанскую и русскую. После капитуляции испанской армии в Валенсии (13 января 1812 года) он попадает во французский плен, бежит в Россию и в июле 1812 года в звании подполковника вступает в русскую армию, участвуя во многих сражениях. Перейдя в 1815 году в прусскую армию, в 1829 году получает чин генерал-майора, с 1843 года — губернатор Берлина.

¹³ Барон Густав Фридрих Вильгельм фон Барнеков (Barnekow, 1779–1838) — прусский генерал-майор.

¹⁴ Принц Павел Фридрих Август Ольденбургский (1783–1853), в 1829–1853 годах — правящий герцог Гольштейн-Ольденбурга, российский командир эпохи Наполеоновских войн, генерал от инфантерии. Старший брат Петера Фридриха Георга (Георгия Петровича) Ольденбургского, супруга великой княгини Екатерины Павловны, сестры императора Александра I. В описываемое время (с 19 июля 1812 года) состоял при Главной квартире 1-й Западной армии.

бергского¹⁵. К этому большому обеденному столу он пристроил и меня. Пару раз нам пришлось с ним вместе спать в большой зале на соломе, где рядом на полу храпело полсотни офицеров.

Эти четыре-пять дней, проведенные среди военной суматохи, были для меня забавны и в высшей степени поучительны. Мне пришлось наблюдать самые разнообразные типы многочисленных народов России, которые проходили маршем и проносились вскачь от Ледовитого океана и Урала, поили своих коней в Волге и в Черном море, я видел красивых татар из Кабарды и Крыма, статных донских казаков и калмыков с плоскими носами и худыми, как палка, телами, с кривыми ногами и косыми глазами — такими, как 1500 лет назад изобразил Аммиан своих гуннов, безобразных и по-восточному коварных башкир с луками и стрелами. Но великолепнее всего был конный эскадрон черкесов — очень красивые стройные всадники в кольчугах и стальных шлемах, украшенных развевающимися перьями.

Я поехал в Москву вместе с молодым немецким офицером из Немецко-русского легиона¹⁶, посланным в лагерь и теперь возвращающимся в Петербург. Часть дороги я провел в обществе полковника Теттенборна, с которым я встретился в Вязьме на следующий день после моего отъезда из Смоленска. В Вязьме в это время находилась часть Императорского кабинета, граф Нессельроде¹⁷, господин фон Анштетт¹⁸ и некоторые другие, с которыми мы вместе

¹⁵ Герцог Александр Фридрих Карл Виртембергский (Вюртембергский) (1771–1833) — генерал от кавалерии, с 1800 года на русской службе, брат императрицы Марии Федоровны, дядя Александра I. Во время Отечественной войны 1812 года состоял при главной квартире 1-й Западной армии, выполняя «ответственные» поручения, в описываемое время никакими дивизиями и корпусами не командовал. В 1812 году командовал дивизией принц Евгений Фридрих Карл Павел Виртембергский (1788–1858), генерал от инфантерии, племянник императрицы Марии Федоровны, двоюродный брат Александра I.

¹⁶ Русско-немецкий легион — немецкое добровольческое воинское формирование, образованное для участия в войне против Наполеона под руководством России. 6 июня 1812 года Штейн, который рассматривал легион как ядро будущей немецкой общенациональной армии, представил императору Александру I проект организации легиона, который должен был состоять из 2 бригад по 4 батальона пехоты, 2 полков легкой кавалерии, артиллерийской бригады и роты егерей. Комплектованием легиона ведал адъютант принца П. Ф. Л. Ольденбургского (см. примеч. 30) полковник русской службы В. Д. Арендшильдт, ставший позднее командиром легиона. Формирование легиона началось летом 1812 года, к середине октября 1812 года его численность превысила 1500 человек, к октябрю 1813 года легион насчитывал более 6000 солдат и офицеров. В легион поступали немецкие эмигранты, перешедшие на русскую службу, немцы французской Великой армии, взятые в плен или добровольно перешедшие на сторону России, и немцы-колонисты. 6 (18) апреля 1815 года легион был распущен, значительная часть личного состава влилась в прусскую армию.

¹⁷ Граф Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862) — российский государственный деятель, канцлер, министр иностранных дел. В 1807–1810 годах был советником посольства в Париже, с 1812 по 1815 год постоянно находился при императоре Александре I.

¹⁸ Иван Осипович Анштетт (Anstett, 1766–1835) — французский барон из Страсбурга, россий-

обедали у начальника полиции, и в огромном зале сидело за столом, пожалуй, не менее двух сотен гостей. Здесь собралось почти всё поместное дворянство, а вокруг города разбили лагерь тысячи молодых деревенских парней, призванных в армию. Их сопровождали матери, сестры, невесты. Тут же множество телег, на которых увозили раненых вглубь страны. С нами за столом сидели несколько храбрых раненых офицеров. Повсюду было ликование и воодушевление, радостно звенели бокалы. В конце обеда, когда все поднялись из-за стола, своей награды удостоились и иностранцы, когда прозвучала фраза, что они прибыли в Россию для борьбы с Наполеоном. Объятия, рукопожатия, поцелуи прекрасных женщин и девиц, воодушевленных любовью к Отечеству. Во всем народе, вплоть до низов, чувствовалось чрезвычайное оживление и возбуждение. Все называли французов рабами, у которых отсутствует свобода, это не было притворством или напускным чувством, нет, из самой глубины сердца оно било ключом живой воды! Подобные милости, дарованные прекрасными женщинами и девами, доставались мне и позже, в Петербурге, даже во дворцах Орловых и Ливенов — в те дни, когда приходили известия о победах. Таков обычай этой страны, несколько сходный с английским, когда женщины начинают торжество, обладая невинным правом целовать мужчин после праздничного обеда. Что ж, в каждой стране свои порядки!

Мы выехали отсюда только следующим утром и уже в полдень на несколько часов остановились в симпатичном приветливом городке Гжатске, так как мой полковник хотел подремонтировать карету. Я вышел из города и расположился на зеленом лугу, зарывшись в стог сена, вокруг мирно паслись стада, как будто не было никакой войны, надо мной склонилась кудрявая береза, задумавшись, я смотрел в проплывающие надо мной облака, уносясь мечтами в далекий мир. Вдруг я услышал звуки музыки, которые приближались и звучали всё отчетливее. Вскоре мимо меня пронеслись длинные ряды повозок с ополченцами; впереди скрипки и дудки, тут же родители, сестры, братья и невесты. Так весело, с цветами и песнями, они ехали на бой и на смерть, подобно призрачно-фантастической свадебной процессии. Здесь я простился с моим полковником. Он поехал из Гжатска напрямиком в Петербург, я с офицером на маленькой русской телеге окружным путем двинулся в Москву.

Этот чудесный город я видел только два дня. Мне казалось, я нахожусь в Азии. Нищета и роскошь, хижины, сараи и конюшни не только в предместьях,

---

ский дипломат. С 1789 года на русской службе, с 1791 года состоял при посольствах в Берлине и Вене. В 1812 году — директор дипломатической канцелярии при русской армии, до 1814 года находился при императоре Александре I. С 1818 года — чрезвычайный посол России при Германском союзе.

но и посреди города; между тем блеск дворцов и садов, позолоченные купола и башни церквей и монастырей, Кремль с его золотыми воротами, башенками и зубцами. К тому же необычное движение и многолюдность в это чрезвычайное, смятенное и тревожное время. За эти два дня я ничего не мог увидеть, я мог только удивляться. Я встретил радушный прием сначала у коменданта Кремля генерала Гесса¹⁹, немца, который живя в России, по-видимому, не утратил немецкой прямооты и добродушия. Изучая и подписывая наши паспорта, он в то же время угощал меня и моего офицера хорошим завтраком, а потом повез нас в своем экипаже к губернатору, сказав, что ему самому нужно к нему по делу. И вот мы его увидели, этого губернатора, генерала, графа Ростопчина, который через месяц прославился сожжением древней столицы царей. Впрочем, казалось, я его уже видел, в Смоленске, в чертах лица одного раненого майора, который лежал у Джампы на диване в соседней комнате с перевязанным коленом, а по вечерам собирал нас к себе на чай. Та же фигура, глаза, лоб, резкая и всё же добродушная прямоота, среднего роста, плотный, широкое, словно вырубленное лицо, короткий правильный нос, большие голубые глаза, быстрые движения. Таким мне представлялся Ростопчин, такими мне казались впоследствии в разных местах многие русские офицеры — то же выражение лица, тот же тип характера. Этот тип, пожалуй, не часто встречается в знатных древних семействах, которые слишком европеизировались, слишком приблизились ко двору, слишком отшлифовали свои манеры или даже перешлифовали. Но он распространен в хорошем среднем дворянстве. Мы были приглашены к обеду, присутствовали на большом торжестве — молебне в честь победы Витгенштейна над маршалом Удино²⁰ в церкви св. Иоанна возле Кремля, а потом приняли участие в восторженном ликовании и шумном веселье во время обеда.

Дорога отсюда на Петербург идет через Тверь и Новгород, между Москвой и Тверью расположена красивая, богатая и хорошо возделанная местность.

---

¹⁹ Вероятно речь идет об Иване Крестьяновиче (Христиановиче) Гессе (Hesse, 1757–1816), генерал-лейтенанте, с 1788 года на русской военной службе, с 1799 года коменданте города Москвы. Добродушием, распорядительностью и чистоплотностью он приобрел уважение городских обывателей. По отзыву графа Ростопчина, это был «человек прекраснейший, честный, беспристрастный и заботившийся главным образом о соблюдении внешних форм», и был «годен для дел» только до шести часов вечера, «после чего всецело поглощался трубною и пуншем».

²⁰ Имеется в виду трехдневное сражение между французами и отдельным корпусом русской армии на петербургском направлении у деревни Клястицы, на дороге между Полоцком и Себежем, в ходе которого русские войска под командованием генерал-лейтенанта Петра Христиановича Витгенштейна (1769–1843) одержали победу над корпусом французского маршала Никола Шарля Удино (1767–1847) и остановили продвижение французов на Петербург. В апреле-мае 1813 года Витгенштейн будет командовать русско-прусской армией в Германии.

Я видел большие прелестные деревни и симпатичные крестьянские избы, многие в два этажа, со светлыми окнами и раскрашенными фасадами, с изящной резьбой и пестрыми цветниками снаружи и внутри. Как сами дома, так и внутренняя обшивка стен сделаны почти из одной древесины. Это мне напомнило традиции Хельзингланда, Доларна и Норланда в Швеции²¹, где крестьяне украшают свои телеги, лошадиную сбрую, дома и церкви подобной искусной резьбой. Расположение некоторых деревень наводило меня на мысль, что строители знали взгляды Гиппократ или лейб-медика доктора Фауста из Бюкебурга²² на то, как лучше использовать солнце, воздух и воду. Я имею в виду, что несколько деревень были построены прямо-таки в форме круга, а большинство — в форме полумесяца, чтобы можно было использовать в полной мере солнечное тепло от юго-востока до юго-запада и быть защищенными от злых холодных ветров, дующих с северо-востока до северо-запада. Подобным образом, в форме полумесяца, сооружены некоторые крестьянские хутора в Швеции. И вообще, если в этом и других отношениях сравнить русских крестьян с несчастными польскими, можно увидеть огромную разницу!

В деревнях и на тракте до самого Новгорода встречались группы крестьян, обучавшихся обхождению с оружием, отдельные отряды военных; печально плелись кучки военнопленных, среди них были даже испанцы и португальцы.

Днем по большей части стояла сильная жара, и короткие северные ночи не успевали охладить воздух. И хотя в более чистоплотной России мы не страдали так сильно от паразитов, как в Польше, но количество варварских и безжалостных черных блох и кровососущих не уменьшалось. Чтобы от них избавиться, я по возможности избегал останавливаться в комнатах, если нужно было подождать, пока сменяют лошадей. И когда нам перепадал часок-другой отдыха — что, впрочем, между Тверью и Петербургом случалось довольно редко, — я заматывался в пальто и, если шел дождь, ложился под телегу и засыпал богатырским сном, положив под голову самую ценную часть своего имущества и бормоча себе под нос: *hoc tibi proderit olim*²³. У меня не было слуги, и я должен

²¹ Ардт описал эти обычаи в своей книге «Путешествие по Швеции в 1804 году» („Reise durch Schweden im Jahre 1804“), Берлин, 1806.

²² Имеется в виду не герой народной легенды, а немецкий врач Бернхард Христоф Фауст (1755–1842), придворный лейб-медик герцога Филиппа II фон Шаумбург-Липпе, живший в Бюкебурге (Нижняя Саксония), создатель архитектурной теории «солнечного строительства» (Sonnenbaulehre), автор книг «Катехизис здоровья для школьного и домашнего обучения», «О воде, дорогах и новых городах, повернутых к солнцу» („Über Wasser, Eisenbahnen und neue Städte zur Sonne“) и др.

Знаменитый древнегреческий врач Гиппократ (ок. 460 до н. э. — 377/356 до н. э.) учил, что заболевания возникают вследствие природных причин, под воздействием окружающей среды.

²³ Когда-нибудь это пойдет тебе на пользу (*лат.*).

был сам стеречь свои вещи; пару раз я убеждался в необходимости подобных мер — в первый раз в Смоленске, в трактире Джампы, где по недосмотру слуг у нас кое-что украли, и я с ужасом увидел, что моя шкатулка с несколькими сотнями дукатов исчезла. К счастью, я нашел ее под матрасом, куда я ее инстинктивно запрятал. Второй раз это случилось в Вязьме, где во время шумного обеда у нас из передней полицмейстера украли некоторые вещи. В этом отношении Россия подобна Аравии, и русские простолюдины, как и арабы, тороваты в шатре и вороваты на улице (*gebisch im Zelte und nehmisch auf der Straße*).

Наконец, я проехал знаменитый Новгород, о котором ганзейская²⁴ пословица некогда гласила: «Кто будет спорить с Богом и Великим Новгородом?» Но город этот — таким, каким я его увидел сейчас — не произвел на меня сильного впечатления, лишь в отдельных церквях да в протяженности стен сохранились следы его бывшего могущества, сравнимого с Киевом. Иван Васильевич Грозный растоптал железной стопой свободу и независимость этого великолепного города и гордых новгородцев²⁵, согнал многие тысячи его мужественных жителей на юг империи, заменив их поселенцами из других мест, привыкших к слепому повиновению.

На четвертый день после моего отъезда из Москвы я промчался мимо прелестного Царского Села, и вскоре моему удивленному взору открылась Нева и новая Пальмира на ее берегах. Итак, за четыре дня я проехал более сотни немецких миль²⁶. Вся дорога от Твери до Петербурга крайне однообразна, местность представляет собой плоскую равнину со множеством болот и трясин, с редкими группками берез и елок. Деревень немного, лишь иногда встречаются симпатичная почтовая станция или придорожный трактир с хозяином-итальянцем. Большая дорога, впрочем, более или менее соответствует главному тракту великого государства. Мекленбургских, голштинских или бельгийских каменных дамб здесь, слава Богу, нет, однако в большом количестве бревенчатые настилы, некоторые из них являются превосходными деревянными дамбами. Они сложены из цельных еловых стволов, в основном на болотах и трясилах, и когда по ним проезжает карета, дрожат на пористой и тряской почве, словно подпрыгивая под колесами. По этому дрожащему настилу я ехал на те-

²⁴ Имеется в виду Ганза, или Ганзейский союз свободных «имперских» городов Северной Германии, существовавший в XIII–XVII веках для защиты торговли от власти феодалов и пиратства. В Новгороде была «контора» (филиал) Ганзы.

²⁵ В 1569–1570 годах Иван Грозный с войском опричников разгромил Великий Новгород, обвинив жителей в намерении перейти в подданство «литовскому» (польскому) королю, казнив с применением пыток множество горожан, разгромив новгородский посад и разграбив монастыри.

²⁶ Немецкая (географическая) миля имеет примерно 7420 метров, то есть около 7,5 км.

леге, то есть на низкой повозке с четырьмя колесами, всё время чувствуя каждое движение бревен. После такой солдатской езды у меня ныло всё тело, ведь четыре дня и четыре ночи я не смыкал глаз ни на одно мгновение. Я не спал не только из-за тряски, но и из-за большого скопления людей, толкавшихся вокруг меня. Я намеренно не давал себе заснуть, чтобы доехать до Петербурга целым и невредимым, сберегая свое добро, словно собака, защищающая легендарные сокровища дьявола. Я назвал эту поездку солдатской, имея в виду солдат, способных стойко переносить лишения, а не таких, каковые окружали меня. Ведь мои солдаты, несомненно, храбрые и крепкие мужчины — мой полковник Теттенборн и легионный офицер, ехавший с нами, на следующий день после прибытия в столицу лежали пластом, полубольные. А я оставался на ногах, сказав себе: «Пожалуй, с помощью Божией твои ребра и легкие продержатся еще годок-другой».

Во время ночных поездок по России я наблюдал явление, которое даже сегодня заставляет меня внутренне улыбаться. Я припоминаю, что нечто подобное я видел уже в Швеции, когда в одну из подобных бессонных ночей от недосыпа у меня обострились все чувства. В Германии тоже случались ясные звездные или залитые лунным светом ночи, но такого никогда не происходило. Мне казалось, будто вокруг меня происходит какая-то причудливая игра световых бликов, которая, странным образом воздействуя на чувства, создает удивительную волшебную атмосферу. Вот что я имею в виду: деревья, холмы, дома и прочие безжизненные предметы, словно оживая, парили в воздухе, вдруг возникая и исчезая как скопище причудливых и странных зверей и чудовищ. Я не знаю, может, в такие моменты реальность вторгается в самую глубину нашего разума, или напротив — наш дух, создавая собственные образы, как бы выталкивает их наружу, придавая им облик реальных вещей. Пусть об этом до конца дней спорят философы, но факт остается фактом. Этим, вероятно, объясняется и множество странных лиц в Швеции, и появление привидений, и вызывание духов неким Сведенборгом²⁷.

В конце августа 1812 года я въехал в Санкт-Петербург и сразу направился к замку господина министра барона фон Штейна. Этот замок назывался «Демутов трактир», по имени хозяина гостиницы, в которой министр проживал уже несколько месяцев. Позже он переехал в расположенное почти рядом и похожее на дворец здание. Я тотчас снял у Демута пару комнат и нанял слугу-немца, урожденного эстляндца, что здесь совершенно необходимо.

---

²⁷ Эммануил Сведенборг (Svedenborg, 1688–1772) — шведский ученый-естествоиспытатель, теософ и духовидец, автор учения о соответствиях («корреспонденциях») явлений земных и «потусторонних», утверждавший, что общается с духами умерших людей.

Я состоял на постоянной должности у господина министра и одновременно как бы на русской службе, поскольку жалование получал из русского казначейства, даже еще во время моего пребывания в Пруссии. Впоследствии, конечно, из кассы центрального управления по делам Германии. Мне также возместили деньги, потраченные во время моего опасного путешествия из Праги в Петербург. По поручению министра, я здесь стал заниматься (перечислю все мелочи) разной мелкой писаниной, копированием и расшифровкой писем и депеш, составлением листовок и брошюр, а также делами по устройству так называемого Немецкого легиона. Также заставил меня потрудиться один старый русский адмирал, загружая меня то веселой, то докучливой работой, смотря по тому, что взбрело старику на ум. Это был адмирал Шишков — примерно так произносилось его имя. Он был большой оригинал, настоящий русский, и, как мне кажется, самого лучшего закала. Он выражал главный тип русского характера — был веселым, забавным, неопишимо ловким и живым, как в движениях, так и в мимике. В нем было что-то суворовское. 75-летний старик, скорее худой, чем полный, весьма примечательной внешности, с ироническим и при этом крайне добродушным выражением лица, беспрестанно меняющимися чертами, такой быстроты я не видел ни у одного человека. При этом у него была привычка, которая показалась мне очень русской, выражать не словами, а жестами рожденные в его уме догадки и образы. Старику вообще было трудно переводить в слова свои мысли, коих у него было предостаточно, или точнее, сковывать свою мысль тесными узами слова. Кстати замечу, что русские вообще в пантомиме, в характерных ролях на театре и в плясках забавны донельзя. С величайшим удовольствием посиживал я часами в русском театре, без скуки, не понимая ни слова: настолько восхищал меня язык движений и жестов. Этот достойный старый адмирал, едва понимавший немецкий язык, либо обо мне слышал, либо имел перед глазами одну из моих небольших статей или их переводы. После того как Румянцев сверг министра внутренних дел Сперанского, Шишковым, словно «затычкой», заткнули образовавшуюся дыру, назначив на его место, и новый министр должен был, между прочим, писать воззвания и манифесты к народу. Он искал энергичные и возвышенные слова и выражения, затем переводил мне свои фразы на плохой французский. Я должен был изложить всё это по-немецки, а потом снова, насколько это было возможно, еще более усилив патетику выражений и мысли, перевести их на французский язык, вероятно еще более плохой. Тем самым он, как я полагаю, пытался еще более усилить свой русский текст. Помню только, что при всем удовольствии, которое доставляло мне общество славного старика, это была тяжелейшая работа, и, не понимая русского языка, я даже не мог вкусить ее плодов.

Вот так я смог здесь закрепиться, занимая вполне достойное и приятное положение. Это было приблизительно в то время, когда моя молодость подходила к концу, но вдруг неожиданно получила продление. Говорят, в молодые годы нам везет. Мне повезло дважды, я дважды вынужден был бежать. Первый раз — в Швецию, когда после отставки Шуберта я получил его место²⁸; второй раз — сюда, в Петербург. До 1807 года я не слышал имени господина фон Штейна. В 1808 году, благодаря принятым им законам и реформам, оживившим и восстановившим пришедшее в упадок Прусское государство, он получил европейскую известность. В 1809 году, после того как Наполеон объявил его вне закона, он стал для немцев светом в оконце. Этот достойный муж, услышав обо мне, пригласил к себе на службу. Мои убеждения и судьба привели меня, совершенно добровольно, в Россию; благодаря ему я занял там надежное и почетное положение. Бог открыл и расчистил мне тогда путь, впрочем, позже, этот путь был перекрыт. Пути Господни неисповедимы.

Итак, я прибыл сюда в конце августа, думаю, числа 26 или 27-го, и предстал перед министром, которому я доложил о кое-каких событиях в Праге. Я был принят очень приветливо. Меня поразили его внешний вид и манера говорить, как будто я уже раньше что-либо подобное видел или слышал, только не мог вспомнить, где именно. Только после того, как мы с ним просидели вместе за чаем несколько часов и первые впечатления слегка сгладились и прояснились, я сообразил, что он напоминает мне Фихте! Меня как током ударило — это был мой старый знакомый Фихте: такая же фигура — небольшого роста, коренастый, плотный; такой же лоб, только еще шире и более покатый, такие же маленькие, острые сверкающие глазки; почти такой же, только немного более массивный нос; речь грубоватая, ясная, твердая; говорит быстрыми короткими фразами, словно меткими стрелами бьет прямо в цель. Вскоре я убедился, что он обладает и фихтевской непреклонной нравственной строгостью принципов. Разница была только в том, что Штейн — сын древнего имперского баронского рода с Рейна, а Фихте — сын бедного ткача-суконщика из Лаузица; а также в том, что имперский рыцарь, напрягая все силы, стремился сквозь туман и тени отрицания к собственному Я, а философ, напротив, от возвышенного Я опускался в тени и туман отрицания, чтобы на этом пути постичь суть отрицания и соединить его с Я. Таково было мое первое поверхностное впечатление. Я посвящу этому великому и славному мужу еще пару

²⁸ Когда Наполеон разгромил прусско-саксонские войска в Йена-Ауэрштедском сражении (1806) и захватил Пруссию, Ардт, опасаясь ареста за свои антифранцузские сочинения, вынужден был бежать в Стокгольм, а в 1809 году, после низвержения шведского короля Густава IV, нелегально вернулся в Германию.

слов, чтобы обрисовать, какой мне казалась его глубинная сущность в эти и в последующие годы нашего тесного с ним общения.

Выше я упомянул о двух «мирах» в лице Блюхера²⁹. То же самое можно встретить в большинстве лиц, в которых соединяются и три, и четыре, и даже больше вариантов. Если таких вариантов много, то это уже не просто миры, а враждующие и друг друга разрушающие темпераменты и страсти. В верхней части лица Штейна обитали почти всегда блестящие и спокойные боги. Его великолепный широкий лоб, его умные приветливые глаза, его большой нос — всё обещало спокойствие, глубокомыслие и властность. Резким контрастом была нижняя часть лица; рот был, безусловно, слишком мал и тонко очерчен, недостаточно силен подбородок. Здесь у обычных смертных были внутренние покои, здесь гнев и вспыльчивость вели свою игру, порывисто и внезапно, и, слава Богу, если они встречали отпор, то быстро успокаивались. Правда, если эта безвольная и слабая нижняя часть вздрагивала от гнева и маленький подвижный рот с огромной скоростью извергал фонтан гневных слов, верхняя часть не переставала улыбаться улыбкой прекрасного солнечного Олимпа и даже блестящие глаза не казались грозными. Так что тот, кто пугался власти нижних сил, был утешен «верховой» властью. И обычно все черты лица этого превосходного человека, его мимика и слова выражали честность, мужество и благочестие. Это был властный человек, словно урожденный герцог или король, короче говоря, мужчина номер один. Я не хочу сказать, что мужчина номер два не может быть великолепен и не способен к решительному действию. Это само собой разумеется, но Штейн был сотворен, чтобы властвовать первым. В нем слишком сильно проявлялась индивидуальность, его природа вообще была словно вылита из одного куска металла, и он нелегко подчинялся чужому влиянию, еще труднее приспособлялся к обстоятельствам, что самые благородные люди часто делали и должны делать ради благих целей.

---

²⁹ Гебхарт Лебрехт Блюхер (Blücher, 1742–1819) — прусский генерал-фельдмаршал, в 1813 году командовал объединенными русско-прусскими войсками в Силезии.

Описывая выше свое пребывание в Бреслау весной 1812 года, Арндт дает портрет «старого генерала» Блюхера, «с великолепной фигурой, крупного и стройного», прекрасно сложенного с головы до ног, «словно юноша». Самым удивительным, — пишет он, — было его «лицо, в котором будто соединялись два различных мира, которые даже во время удовольствий», когда он совсем по-солдатски шутил, не меняли своей «окраски» (Farben): «на лбу, на носу, в глазах жили Боги, вокруг подбородка и лба поселились обычные смертные». В «верховьях этой страны» всё было прекрасно и величественно, даже глубокая грусть, которая пряталась в его иссиня-черных глазах, сравнимых с цветом морской бездны. «Даже если эти глаза радостно улыбались и понимающе подмигивали, они были затемнены страшной серьезностью и скрытым гневом... Рот и подбородок создавали иное впечатление, хотя вполне гармонировали с верхней частью лица. Здесь было собрано всё гусарское лукавство, которое отражалось даже в глазах, что-то от хищника, поджидающего свою жертву».

Я не знаю, какие особые обстоятельства привели господина фон Штейна в Петербург. Понятно, что по приглашению императора — о его письме он мне сам рассказывал. От других я как-то слышал, что император, который сейчас подошел к самому краю чудовищной пропасти, вспомнил о пророческих словах, которые министр сказал ему летом 1807 года в Тильзите, и упомянул эти предсказания в своем письме, призывая его в Россию. Как бы там ни было, господин фон Штейн не вел здесь борьбы — он шел бесстрашно вперед, доверяясь в остальном Богу, но император Александр должен был медленно пробиваться с боем. Этот государь каждым своим вздохом и порывом был способен к величю и благородству, но в его природе было что-то мягкое, что мешало его строгой выдержке и мужской твердости. Война с Наполеоном была уже явной, и первые кровавые столкновения уже свершились; но страной всё еще управлял Румянцев³⁰, а министр внутренних дел Сперанский и тайный государственный советник Бек в его министерстве³¹, которые передавали императору предложения и советы самых смелых и решительных действий, были теперь в ссылке и тюрьме. Румянцев был известен как душа союза с Наполеоном, которому он присягнул против Испании, Англии и Австрии. Он, в своих нравах и привычках отвратительный неженка, принадлежал к тем слабакам, которые видели в Наполеоне судьбоносного мужа, божественный перст, который не сможет укротить никакая земная власть, и его советом были мир и покорность его воле. У императора Александра не было мужества проститься со стариком или порвать с ним, хотя Штейн говорил и писал императору прямо и смело правду о таком положении дел. Особенно налегал он на настроения, какие непременно появятся в Англии, Австрии, Пруссии и во всех странах, которые содрогались под гнетом корсиканца. Я должен был переписывать составленные им письма к императору, которые посылались в Вену и Лондон и в которых эти обстоятельства и непригодность и вредность изнеженного, сладострастного и бесхарактерного Румянцева, ходившего тихими шагами и обладавшего сладким, как мед, выражением лица, было изображено с истинной штейнинской четко-

³⁰ Румянцев Николай Петрович (1754–1826) был сторонником дружественных отношений с Наполеоном, в эпоху Наполеоновских войн занимал пост министра иностранных дел (1807–1814), государственного канцлера (с 1809 года), председателя Государственного совета (1810–1812).

³¹ Граф Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) — государственный деятель, реформатор, с 1810 года государственный секретарь. В канун нашего шествия Наполеона, в результате доносов, Сперанский был обвинен в измене и сослан в Нижний Новгород под строгий надзор полиции, затем переведен в Пермь, где находился до сентября 1814 года.

25 марта 1812 года, через неделю после ссылки Сперанского и по такому же обвинению, был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость Христиан Андреевич Бек (1770–1853), шифровальщик коллегии иностранных дел.

стью и ясностью. Так Штейн воздействовал на императора, вскоре пробил себе широкую дорогу в большое петербургское общество и теперь воздействовал на императора уже посредством своих друзей. Его мужество и смелость, еще более его шутки и любезность проникали повсюду, сверкали и воспламеняли, словно молния, всё, что можно было поджечь. Его нравственная красота и ясность его существа, насквозь пропитанная мужеством, его приветливость и любезность, которая звучала в его самых кратких и самых неприметных словах за обеденными и чайными столами, — всё это сделало его могущественным человеком в светском обществе. Его храбрость и воля, его идеи и выражения складывались в анекдоты и молниеносно распространялись. Вскоре он собрал вокруг себя ближний круг, бесконечно верный ему, поскольку все знали, что он прибыл в Россию как пилигрим, который хотел вернуться с победой на запад и который никому не перейдет дорогу. Наконец, он стал в Петербурге рупором справедливости и чести, и Орловы, Салтыковы, Уваровы, Кочубеи, Ливены с воодушевлением и быстротой водрузили его знамя в руки всемогущей армии прекрасных и остроумных светских дам. Кроме того, он был самым настоящим господином и мужественным военачальником. Когда пришло известие о Бородинской битве, а затем о пожаре Москвы, и принц Константин, прыгая, кричал «Мир! Мир!», когда королева-мать и Румянцев шептали ему «мир...», он только радостнее и горделивее держал голову. Я наблюдал его ясное мужество. Через день после известия о московском пожаре я был приглашен к нему на обед вместе с храбрым Денбергом и многими бравыми немцами. Никогда он не был более великолепен. Он налил себе вина и сказал: «Свой жизненный багаж я терял уже трижды-четырежды, нужно привыкнуть оставлять его позади себя. Поскольку мы должны умереть, нам нужно быть храбрецами».

Битва на Москве-реке или под Бородиным 7 сентября, вступление французов 14 сентября в Москву и пожар древней столицы 15 и 16 сентября составили большой перелом, первый большой перелом в течение русской кампании, возбудили в Петербурге бурные столкновения и волны самых противоположных мнений и взглядов. И, в конце концов, привели к победе, укрепив стойкое мужество императора и народа. Кто виновен в поджоге Москвы — французы или генерал Ростопчин, — мнения разделились. Люди, знавшие Ростопчина, говорили, что это он, и большинство проклинали его деяние как ужасную жестокость. Но когда французы принялись ругать Ростопчина, выставляя отвратительным примером крайнего варварства, у русских произошел переворот, они заметили, каким блеском славы они себя окружили и какую победу над врагом они одержали этой пламенной жертвой. Имя Ростопчина вдруг стало великим, появились рассказы и легенды о его приготовлениях и мерах, о ко-

торых он никогда даже и не думал. Тут же была придумана басня об огромном адском шаре, извергающем пламя и выплевывающем пули, который будто бы соорудил Ростопчин недалеко от Москвы с помощью нескольких пиротехников и воздухоплателей и который собирался сбросить в самую середину французского войска. Эту басню французы повторяли в своих газетах. Ростопчин был настоящим русским человеком, понимавшим свой народ, умевшим говорить с ним, — это доказывают все его указы и воззвания в Москве; в случае нужды он был человеком отчаянного мужества. Раньше Ростопчин служил генерал-адъютантом при Павле, и император мог спокойно спать во всех своих дворцах, пока при нем находился этот внушающий страх муж. Только когда Ростопчин был удален из Петербурга под предлогом требования должностей, которых он вовсе не хотел, заговорщики решились приступить к исполнению своего замысла. Благодаря пожару Москвы, Наполеон проиграл свою кампанию. Как больно это пламя обожгло французов, показывает статья, напечатанная в эти дни в «Journal l'Empire». Вот она:

«Если бы можно было сомневаться в ужасном варварстве русских, то их поведение в их собственной стране убедило бы нас лучше, чем всё, что мы когда-либо читали об их нравах. Победенные нашим оружием, они мстят за свое поражение тем, что сжигают города, кои не способны защитить. Женщины, дети, старики, даже их собственные раненые являются жертвами их бессмысленной ярости и их грубой гордости. Кажется, что мы их преследуем только для того, чтобы защитить от их собственной злобы, и наша армия, которой можно было простить некоторые беспорядки в опьянении победы, наступает только для того, чтобы спасти народ от неистовства русского войска, которое должно было бы их защищать. Что случилось бы с благонравной Европой, если бы в нее вторглись эти полчища убийц и поджигателей? На это дают ответ развалины Рима и Италии. Варвары сегодня те же самые, как и в прежние времена. Если и нужна народная война, это бесспорно война, целью которой является ниспровержение этого кровожадного гиганта, который уже в течение сотни лет под громыхание цепей, коими он угрожает свободе Европы, и при свете факелов, которыми он хочет озарить ее развалины, наступает на нас. При осаде Вены Европа уже однажды была спасена варварами от наводнения, но спокойствие ее еще оставалось без поручительства. Должен был возникнуть могучий гений и повести все вооруженные силы цивилизованного мира до средоточия варварства, чтобы поразить его в самое сердце. Такова великая картина, которая разворачивается перед глазами удивленного мира, и занятие Москвы составляет один из ее главных эпизодов. Можно было подумать, что враг пощадит свою древнюю столицу. Это было тем более вероят-

но, что, по заслуживающим доверия письмам, русский главнокомандующий послал во французскую штаб-квартиру парламентаря, чтобы вручить Москву милости победителя. Но так велик беспорядок в России, что наместник держит собственной властью организовывать шайки разбойников и убийц и надеется защитить город, в коем не могла удержаться целая армия, горсточкой преступников. Самая безумная жестокость никогда не изобретала более ужасного деяния; имя человека, который его совершал, должно стать проклятием для современников и отвращением для потомков. Впрочем, несмотря на ужасную предосторожность наместника, который распорядился увезти или уничтожить пожарные насосы, оставалась надежда, что некоторые кварталы, отдаленные от других обширными пустырями, будут пощажены пламенем. Перед нами лежит письмо, где написано, что были спасены большие запасы риса, водки и муки и ежедневно находят новые. Отступление русских происходило столь поспешно, что у них даже не было времени заколотить многочисленные артиллерийские орудия, хранящиеся в арсенале. Но ужаснее всего — от этого содрогнулись бы даже людоеды, — что татарин, который был наместником в Москве, повелел прежде всего поджечь ту часть города, в которой находились больницы, что 30 000 раненых и больных (?) спасшихся в битве 7 сентября от смерти, нашли ее в пламени, зажженном их соотечественниками. Можно ли назвать народом безумцев, сжигающих своих раненых? Нет, Европа гневно призывает на них презрение всех цивилизованных наций, проклятие грядущих столетий».

Французы тяжело переживали, что Аустерлицкое солнце потухло в дыме пожара. День Бородинской битвы ознаменовался ясным восходом солнца. Наполеон призывал солдат: «Это солнце Аустерлица, это хорошее предзнаменование, мы разобьем фельдмаршала». Но император Александр не имел достаточно мужества, чтобы решительно осудить или одобрить страшное дело, погубившее столько богатства, которым, впрочем, могли воспользоваться лишь французы; так что заслуга генерала Ростопчина не была признана, и он вскоре после этого, войдя в немилость, покинул страну. Всё это напоминало Нуманцию и Сарагосу, а при одном упоминании Сарагосы у французов волосы на голове вставали дыбом. В пламени же Москвы горело десять Сарагос. И Европа не произнесла проклятия этому пожару и не почувствовала отвращения, но, пожалуй, ощутила удивление и ужас, какие внушает неспособность к таким великим жертвам.

Я упомянул выше о Русско-немецком легионе. Многие немецкие офицеры, и не из самых незначительных, покинули свою родину и двинулись на восток. Ими руководило темное предчувствие, что Бог, наконец, сокрушит счастливец, сумевшего силой, искусством и хитростью прийти к власти, перед кото-

рым малодушная толпа преклонялась как пред незыблемой судьбой. Начало этого крушения уже виднелось им в Испании. Они надеялись, что Наполеон, гордость и властолюбие которого уже было поколеблено в Иберии, погибнет в Скифии. Эти беглецы, большей частью пруссаки, верные и храбрые люди, намеревались сражаться здесь не против своего короля и повелителя, а за него. Конечно, велика была потребность их сердца, если они решили на чужбине применить свое мужество, которому они нашли бы применение и на родине. Они знали, что сердечная нужда их короля была в тысячу раз больше, ведь он вел себя как друг и союзник человека, опозорившего честь его народа. Все его клятвы и договоры унесло, словно путину, в порыве ветра. Их жизнь здесь не была усыпана розами, и человек чести всегда страдает, когда вынужден бежать на чужбину. Еще древнегреческий поэт Каллин две с половиной тысячи лет назад пел: «Там, куда он бежит, его ждет зависть, ненависть и злоба». Теперь многие из этих беглецов сражались в армии; другие жили в Петербурге, чтобы из немецких пленников, перебежчиков и добровольцев создать Немецкий легион, который поднимет знамена и мечи, как только победа с востока продвинется на запад, к границам отчизны. Во главе комитета по устройству этого легиона стояли царствующий герцог Ольденбургский³², тоже беглец, граф Ливен, недавно еще посланник в Берлине³³, и министр Штейн — люди очень разные, что давало повод ко множеству мелких дразг.

Герцог, человек прекрасный и достойный, был торжественен, холоден и сдержан и, конечно, был создан не для того, чтобы внушать пыл и отвагу в военных обстоятельствах. Стремительный Штейн был в отчаянии, когда ему приходилось с ним что-то обсуждать или советоваться: «Стоит передо мной, словно древнегерманский имперский процесс, и учит меня два, три часа кряду *stans pede in uno*³⁴», — говаривал он мне. Когда я впервые отправился поклониться герцогу, Штейн меня предупредил, чтобы я, не прерывая, выслушал все его речи и что он станет учить меня истории германской империи и ее князей.

³² Комитет по делам Германии, главной задачей которого было создание легиона, был образован 16 июня 1812 года. Речь идет о герцоге Петре Фридрихе Людвиге Ольденбургском (1755–1829), отце принцев Ольденбургских (см. примеч. 13), изгнанном Наполеоном в 1810 году из своих владений и с августа 1812 года стоявшем во главе Комитета. Ардт также являлся членом Комитета.

³³ Христофор Андреевич Ливен (1774–1838) — российский государственный и военный деятель, в 1809–1812 годах — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Берлине, один из первых обратил внимание императора Александра на патриотическое настроение Пруссии, готовой при первой возможности выступить против Наполеона. Вероятно, Ардт имеет в виду краткий период своего общения с Ливеном, поскольку уже 5 сентября 1812 года тот был назначен послом в Великобританию, где оставался до 1834 года.

³⁴ Букв.: стоя на одной ноге, то есть не переводя дыхания, с величайшей быстротой (*лат.*).

Так и случилось. С Ливеном, напротив, дело иметь было приятно. Он охотно подчинял свою деятельность по этим и другим немецким делам намерениям и воле Штейна. По делам легиона и мне временами давались небольшие поручения, по крайней мере, мне случалось бывать посредником между отдельными офицерами и моим начальником. Медлительность и педантизм герцога часто доводили бедных офицеров до отчаяния, и самые пылкие из них были уже близки к тому, чтобы отказаться от совместного плана и затеряться в рядах русской армии, где, конечно, они не нашли бы для себя достойной деятельности, поскольку русские, как только их дела пошли на поправку, сделались невыносимо надменными и насмешливыми с иностранцами, которых они терпеть не могли. Это было тяжкое испытание терпением для многих превосходных людей. И всё же Бог дал им возможность в 1813 году обогреть свой меч за отечество во французской крови. Посреди всех этих мелких дрязг и неприятностей были, слава Богу, и героические радости, которых мы никогда бы не узнали, подремывая на мягкой перине в мирное время. Каково! Вечера и ночи мы проводили вместе с вами, мои герои, многие из которых уже смотрят с небесных звезд на поля сражений. Там были Дорнберги³⁵, Клаузевиц³⁶, Гольц, графы Фридрих и Гельвеций цу Дона³⁷, забежали на огонек Боен³⁸, Адольф Лютцов³⁹ и другие. Наш дружеский союз рождал приветственное и ликующее созвучие

³⁵ Среди офицеров Русско-немецкого батальона было два Дорнберга (Dörnberg): ротмистр Номен Тескио фон Дорнберг и генерал-майор барон Вильгельм Каспар Фердинанд фон Дорнберг (1768–1850), поднявший в 1809 году восстание против Наполеона в Северной Германии, герой многих сражений, георгиевский кавалер, с 1815 года — посол королевства Ганновер в России. Вильгельму фон Дорнбергу Арндт посвятил одну из своих пяти «народных» «солдатских» песен („Das Lied vom Dörnberg“, 1813).

³⁶ Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (Clausewitz, 1780–1831), впоследствии знаменитый немецкий военный теоретик, в это время был подполковником русской армии, генералом-квартирмейстером Русско-немецкого легиона.

³⁷ Имеются в виду офицеры Русско-немецкого легиона: подполковник барон Александр Вильгельм фон дер Гольц (Goltz), братья — подполковник граф Фридрих цу Дона (Dohna) и лейтенант граф Гельвеций цу Дона.

³⁸ Людвиг Леопольд Готтлиб Герман фон Боен (Boen, 1771–1848) — генерал-фельдмаршал прусской армии, прусский военный министр. Участник проводимых Штейном реформ и сторонник сближения с Россией в борьбе против Наполеона. В 1812 году, после того как Пруссия выступила на стороне Франции, вышел в отставку и уехал в Санкт-Петербург. В 1813 году стоял при главной квартире Кутузова, герой многих сражений, георгиевский кавалер.

³⁹ Барон Людвиг Адольф Вильгельм фон Лютцов (Lützwow, 1782–1834) — немецкий национальный герой, прусский офицер, во время освободительной войны в Германии организовавший добровольческие «корпуса свободы» из пехоты, кавалерии и тирольских стрелков, действовавшие в тылу французских войск и называемые в народе «черными стаями» (Schwarze Schar) и «черными егерями» (Schwarze Jaeger). Цвета униформы его отрядов — черный мундир, красный ворот и золотые пуговицы — стали цветами национального флага Германии. На стихотворение адъютанта Лютцева, известного поэта Теодора Кёрнера, «Дикая охота Лютцева» („Lützows wilde Jagd“) написал музыку Франц Шуберт.

сердец и бокалов, в особенности с тех пор, как пожар Москвы зажег бескрайние надежды.

Таков был прекрасный круг, в котором я ежедневно вращался. Всё же я не могу и не хочу умолчать о другом, который также был мне приятен. Я нашел в Петербурге большие торговые дома, во главе которых стояли мои соотечественники, а также сблизился с немецкими учеными и академиками. Здесь в полной мере царило северное гостеприимство. Встретил я также старинных приятелей из Швеции, среди них генерала графа Армфельта⁴⁰, в это время генерального наместника Финляндии. Я едва мог отбиться от приглашений и пирушек. Жизнь в основном протекала ночью, и это было связано с зимой на дальнем севере, а более всего со столичными нравами. Вечеринки почти никогда не кончались ранее полуночи, а часто затягивались до двух или трех часов ночи. Утром же даже надеяться было нельзя, чтобы вас приняли до двенадцати часов.

В числе многих известных людей, с которыми я познакомился, был астроном Шуберт⁴¹, поэт Клиндер, мореплаватель Крузенштерн — все трое были немцами, последний родом из шведской фамилии. С Шубертом меня познакомили как с земляком. Это был высокий, красивый, умный человек, но испорченный высокомерием. Он обожал Наполеона, сомневался в успехе борьбы с ним, вообще, кажется, поклонялся только уму и счастью, был преисполнен холодной насмешливости и презрения к людям. Вероятно, он здесь стал таким, хотя для этого всё-таки нужна природная склонность. Он мне говорил: «Человек — это служебное и вьючное животное, дорогой земляк, а тут оно коварно вдвое. Привыкайте вести себя грубо и надменно, тогда с вами будут считаться». Такие возмутительные правила жизни, быть может, и имеют где-то определенную практическую ценность. Я посетил пару раз этого надменного и чванливого ученого и более к нему не возвращался. Клиндер был высокий могучий старик, с белыми как снег волосами, с телом, словно вылитым из металла, с глубоким горделивым взором и сильным голосом. И этот франкфуртец тоже именно здесь, в России, сложился в неприятного светского человека, отшлифовался и застыл⁴². Его постигло горе: в Бородинской битве он потерял

⁴⁰ Барон Густав Мориц Армфельт (Armfelt, 1757–1814), с 1812 года русский граф — шведский и русский генерал-лейтенант, противник Наполеона, на русской службе с 1810 года. После присоединения Финляндии к России, в 1811 году, был назначен президентом комитета по финляндским делам, в 1812 году исполнял обязанности финляндского генерал-губернатора.

⁴¹ Федор Иванович (Фридрих Теодор) Шуберт (Schubert, 1758–1825) — русский астроном и математик, уроженец Германии, с 1783 года на русской службе, с 1789-го член Петербургской академии наук.

⁴² Фридрих Максимилиан фон Клиндер (Klinger, 1752–1831) — немецкий писатель, уроженец Франкфурта-на-Майне, друг юности Гёте, автор драмы «Буря и натиск» („Sturm und Drang“, 1776), давшей название знаменитому литературному движению 1770-х годов, на рус-

единственного сына, офицера русской армии; это его глубоко сразило. Крузенштерн⁴³ — тот был совсем иным, хотя и родился на суровом севере, на берегах Эстляндии, самым человечным, самым непритязательным, самым любезным человеком из смертных, при общении с которым у каждого становилось на душе спокойно. Из своих путешествий он вынес добродушную простоту моряка, а не грубость стихий, с которыми он боролся. Однако моим любимцем был академик доктор Триниус⁴⁴, лейб-медик герцогини Виртембергской, урожденной принцессы Саксен-Кобургской⁴⁵, — поэт, ботаник и человек. У него по вечерам и ночам обычно собирались лучшие и приятнейшие представители петербургской ученой гильдии. Тут кипела жизнь и бились сердца для великого дела освобождения немецкой отчизны и всей Европы.

Триниусом и бароном фон Штейном был я представлен герцогине. Это была великолепная женщина, статная и красивая, как и все в ее семье, обладающая высокой немецкой душой. Она была восторженная поклонница Штейна и истинная немка. За ее чайным столом старик восседал в полном блаженстве, а за ним сидели и люди помельче. Эта благородная принцесса собирала вокруг себя всё, что еще питало немецкую любовь и надежду. Она, ближайшая подруга царствующей императрицы Елизаветы⁴⁶, несла вместе с ней штейновское знамя мужества и чести. Часто случалось, что она в ожидании визита какого-нибудь странного чудака (в подобных случаях придворные кавалеры и дамы не приглашались) давала знак благородной императрице, та приезжала инкогнито и садилась в сторонке или позади своих фрейлин, чтобы по-человечески повеселиться. Вот тому пример.

В Петербург, словно к великой Пятидесятнице восторга и избавления, собирались языки и люди всех национальностей, и тут появилось несколько только что вернувшихся из Англии тирольцев, среди которых был один ве-

---

ской службе с 1780 года. Сделав блестящую придворную карьеру, к 1812 году он был генерал-лейтенантом, попечителем Дерптского университета, директором Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса. Его сын, Александр Федорович Клиnger (1791–1812), штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка, адъютант Барклая-де-Толли, скончался 25 сентября 1812 года от ран, полученных во время Бородинского сражения.

⁴³ Иван Федорович (Адам Иоганн) Крузенштерн (Krusenstern; 1770–1846) — российский мореплаватель, адмирал, родом из остзейских немцев, друг писателя Клингера, в 1812 году — инспектор классов Морского кадетского корпуса.

⁴⁴ Карл Антонович (Карл Бернгард) Триниус (Trinius) (1778–1844) — немецкий и российский ботаник, лейб-медик семьи герцогов Вюртембергских, с 1809 года работал в России, с 1823 года — академик Петербургской академии наук.

⁴⁵ Вероятно, имеется в виду немецкая принцесса Антуанетта Эрнестина Амалия Саксен-Корбут-Заальфельдская (1779–1824), с 1798 года супруга герцога А. Ф. К. Виртембергского (см. примеч. 14), которая принимала активное участие в жизни императорской семьи.

⁴⁶ Елизавета Алексеевна, урожденная Луиза-Мария-Августа Баденская (1779–1826) — русская императрица, супруга императора Александра I.

ликолепный человек из Форальберга, Франц Фиделис Юбиле, лет сорока, истинный образец статного и свободного германца. Этот человек, который жил в Петербурге уже несколько месяцев, во многих светских обществах был нарасхват. Его заставляли рассказывать о подвигах и страданиях Тирольской войны⁴⁷, его аудиенциях у императора Франца⁴⁸ и английского принца-регента⁴⁹, передавать разговоры с ними и петь тирольские военные и народные песни, что он и делал самым звонким и веселым голосом. Герцогиня приглашала его уже несколько раз, она любила наигрывать мелодии его песен на фортепиано. Он уже освоился в ее доме, стал совсем ручным и, как это часто бывает с альпийскими жителями, сделался болтлив и доверчив. Герцогиня рассказала императрице об этой забавной заморской птице. Та пожелала его увидеть и услышать. Герцогиня поручила генералу Армфельту привезти того в назначенный вечер. Генерал пригласил его к себе на обед и возбудил его храбрость прекрасным вином. Юбиле приехал, развлекал, рассказывал, пел — всё это с чисто тирольской беззаботностью и веселостью. Когда время приблизилось к полуночи, герцогиня встала, за нею поднялись все присутствующие, императрица выступила из своего убежища среди фрейлейн, приветливо подошла к тирольцу, заговорила с ним о Швабии и Рейне и, сказав, что она прирейнская немка, попросила: если тирольцы и он в их числе снова подымутся и Бог даст им победу, чтобы он вспомнил об этом вечере и ее просьбе не слишком хозяйничать по законам военного времени в Баварии и Швабии. Юбиле уже был в ударе и отвечал ей резко и дерзко, с тирольской запальчивостью отозвавшись о королях Баварском и Виртембергском, а также о ее брате, великом герцоге Баденском⁵⁰, не поскупившись на сильные выражения. Когда она, улыбнувшись,

⁴⁷ В эпоху Наполеоновских войн Тироль, являющийся принадлежностью Габсбургов, был ареной боевых действий между наступающей армией Наполеона и войсками австрийской империи и переходил то к Австрии, то к Баварии (союзнице Наполеона), то к Италии. К 1809 году Северный Тироль остался за Баварией, а Южный был передан Итальянскому королевству, только в 1813 году вся территория возвращена в состав Австрийской империи.

⁴⁸ Имеется в виду последний император Священной Римской империи германской нации Франц II Карл Иосиф (1768–1835), вынужденный в 1806 году после ряда поражений в ходе Наполеоновских войн отречься от престола и выдать дочь Марию Луизу за Наполеона I, оставив себе титул императора Австрии.

⁴⁹ Речь идет о Георге IV (1762–1830), короле Великобритании и Ганновера, который правил страной в качестве принца-регента с 1811 по 1820 год (из-за болезни отца Георга III).

⁵⁰ Намек на события, последовавшие за распадом Священной Римской империи германской нации, и на государства, вошедшие в 1806 году состав Рейнского союза, заключенного под давлением Наполеона. В частности, Бавария и Вюртемберг стали королевствами, маркграфство Баден — великим герцогством, то есть был поднят их государственный статус.

Здесь имеются в виду первые короли этих «карликовых» королевств: Максимилиан I Иосиф (1756–1825) — курфюрст Баварии и первый король Баварского Королевства; Фридрих I Вильгельм Карл (1754–1816) — герцог, затем курфюрст Вюртемберга, с 1806 года король Вюртембергский (Виртембергский).

повторила свою просьбу, плут Армфельт выступил вперед и сказал: «Дорогой Юбиле, знаете ли вы, с кем говорите? Это императрица». При этих словах бедняга побледнел и затрясся, а потом произнес, заикаясь: «Ваше императорское величество, будьте милосердны! На то была ваша воля, я не знал, что вы тут, я посчитал вас придворной девицей». Она принялась любезно его успокаивать, но он ушел, дрожа всем телом. Когда я на следующее утро нанес ему визит, это был день, назначенный для отъезда, — он лежал в постели и охал, приняв рвотное средство. На мой удивленный вопрос, что это он внезапно ослабел и расхворался, тот ответил: «Вчера мне было хуже, чем если бы я получил пулю из карабина, — императрица пала мне на грудь».

О, это было время знамений и предсказаний пророка Исаяи, тождественность образа мыслей уравнивала все народы, общественные слои и возрасты, горы подступали к долинам, долины восходили к горам.

Этим летом в Петербург приезжали и многие другие прекрасные и знаменитые личности, снизошедшие до доступных мне сфер. Здесь побывали бежавшие из Вены две европейские знаменитости, госпожа фон Сталь и Август Вильгельм фон Шлегель⁵¹. И я их лицезрел. Что сказать об этой великой, неоднократно изображенной и прославленной даме? Ее наружность не была прекрасной, для женщины она была сложена слишком сильно и мужественно. Но какая голова венчала это тело! Лоб, глаза, нос были великолепны и сияли блеском гения; правда, рот и подбородок были менее привлекательны. При блистательном остроумии и живости, сверкавших в ее глазах, бурливших в каждом ее слове, вас обволакивало чарующее впечатление ума и доброты. Почему именно ума? Каждую птицу она немедленно угадывала по ее клюву, понимала, в каком тоне с ней петь, — царственный дар, коего лишены, однако, многие из королей. Захватывало дух наблюдать, как эта женщина обходилась со Штейном и как эти две переполненные жизненной энергией личности, сидя на одном диване, спорили, словно играя друг с другом в карамболь. Один эпизод, случившийся с госпожой фон Сталь, показал нам, часто слишком равнодушным, как живо французы любят свою родину и всё родное и как часто они имеют слишком много того, чего нам не хватает. Французские

Карл Людвиг Фридрих (1786–1818) — великий герцог Баденский (с 1811 года) — был родным братом русской императрицы Елизаветы Алексеевны.

⁵¹ Баронесса Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (Staël-Holstein, 1766–1817) — знаменитая французская писательница, ярая противница Наполеона, неоднократно подвергавшаяся преследованиям властей. В 1803 году она была окончательно изгнана из Парижа (до 1814 года), посетила ряд стран Европы, и в июле-сентябре 1812 года побывала в России. Знаменитый немецкий критик и поэт-романтик Август Вильгельм фон Шлегель (Schlegel, 1767–1845), с которым она познакомилась в 1803 году во время путешествия по Германии, являлся воспитателем ее двух детей — Альбера и Альбертины и сопровождал де Сталь во всех путешествиях.

актеры в Петербурге давали «Федру». Рокка⁵², друг госпожи Сталь, и ее сын пошли в театр, мы же, приглашенные к обеду этой знаменитой женщины, всё еще сидели за столом. Глядь! — они, взволнованные, очень быстро возвращаются и рассказывают, что в самом начале представления в зале поднялся такой шум и гам, полилась такая брань на французов и французский театр, что спектакль был прерван. Так в действительности и произошло, это было последнее выступление французских актеров в Петербурге. Ненависть и народный гнев были выражены в такой резкой и грубой форме, что французской труппе в начале зимы пришлось покинуть Петербург. А что же госпожа фон Сталь? Она забыла о месте и времени, она помнила только себя и свой народ. Она вспылила, залилась слезами и воскликнула: «Варвары! Они не хотят видеть “Федру” Расина!»

А русские? Не владея русским языком, я мог общаться только с теми, кто говорил по-немецки или по-французски, получив общеевропейское образование, и у кого европейская отделка и лоск частично уже стерли их национальные особенности. Но я не упускал случая наблюдать и узнавать истинно русских людей, солдат, крестьян и мелких торговцев, ямщиков и кучеров, актеров, мимов и танцоров русского театра. Такие антропологические забавы являлись для меня потребностью, и для удовлетворения этой потребности я имел здесь богатые возможности. В особенности во время прогулок с моим почтенным покровителем, что в первый месяц моей жизни в Петербурге происходило часто. Когда на некотором расстоянии от нас проходили прохожие, мы спорили и даже бились об заклад, кто из них немец, англичанин или русский. Манеры последних я вскоре хорошо изучил, узнавая их наверняка и на значительном расстоянии по росту и походке. Мой старик в таких случаях шутил, что меня, должно быть, подменила в колыбели какая-нибудь колдунья, что принадлежу я к племени американских дикарей и у меня собачий нюх на иноплеменную кровь. Русские — чудесный народ. Можно безошибочно сказать, что в их чертах и во всем выражении их существа соединяются Азия с Европой. Мало того, вас поражает и другое необъяснимое сходство, примесь скандинавских, татарских и финских черт. Как близок их язык к польскому и сколь отличны люди обеих наций! Легкость и веселость, свойственная славянскому племени во всем, но при этом более осознанная игривость, чем у поляков, лучше выраженная насмешливая рассудительность и упрямая воля, при всей гибкости и подвижности членов и жестов.

---

⁵² Альбер Жан Мишель де Рокка (Росса, 1788–1818) — молодой французский офицер, инвалид Наполеоновских войн, второй, тайный, муж Жермены де Сталь.

Когда дело касается чего-либо серьезного, какие упорство и твердость, терпение и трудолюбие, какая стойкость, скроенная по азиатской мерке! При этом глубокое религиозное чувство, совершенно поверхностное у их соседей! Я дивился лицам людей, молящихся в церквях и на улицах, когда раздавался утренний или вечерний звон. Как все останавливались и складывали руки, как глубоко заглядывали в небеса и в самого себя, словно внезапно переносясь из веселости предыдущей минуты, из житейской земной суеты в иной мир, словно ударил гром и приковал всех к месту, где только что все беззаботно двигались и шумели! Вот тут-то и чувствуешь, что в этом народе есть ядро, есть твердая, неразрушимая сущность. У самого последнего крестьянина на лице написано: я тоже нечто, выражается великая несокрушимая общность, похожая на гордость, о чем покорный немец не имеет никакого понятия. Я говорю это вовсе не как человек, их особенно любивший или ими восхищавшийся, нет, таково было впечатление, которое произвел на меня этот народ. Они не любят немцев, они презирают их. Я не хочу платить им той же монетой, но и любить их особенно я не могу, жить же среди них не согласился бы ни за какие блага мира. Им пришлось испытать великую, тяжелую судьбу, и они честно выдержали испытания. Я не думаю, что именно они совершат всемирный переворот, да я и не желаю видеть их в своем отечестве в качестве ниспровергателей и преобразователей мира, но и чужаки не смогут сдвинуть с места эти крепости и твердыни.

Но и среди русских в высших слоях общества можно найти, я бы сказал, величавые отдельные лица, какие это были бы образцы для художников и скульпторов! Страх и удивление внушает эта уверенная сила, не могу назвать ее величием — это слишком высокопарное выражение, — но решимостью, твердостью, даже независимостью. Как? Независимость в таких государствах, как Россия и Турция, где случай и произвол всегда сильнее, чем справедливость? Именно независимость! Отчасти это связано с особенностями национального характера, но в основном со способом правления. Люди выглядят непоколебимыми и несокрушимыми, как железная судьба. Я понимаю, как могут возникнуть подобные личности в России и Турции. Тот, у кого достаточно силы и мужества внутри себя, не поддается страху, который, в сущности, может ему внушать лишь одно-единственное лицо. Всё остальное — прах и ничтожество, попираемое ногами. Ему нужно только непрерывно думать о двух вещах, пока он не станет крепок в своей вере: держаться твердой решимости и помнить о том, что его царь — такой же смертный. Большая разница с теми странами, где действуют более свободные силы! В Англии, во Франции, в Германии самый энергичный характер и могучая воля, данные от природы,

дробятся и размениваются в своей деятельности! Со сколькими лицами и вещами приходится считаться, с какой уступчивостью, вниманием и гибкостью, медленно, осторожно обходить по флангу свой фронт, не решаясь штурмовать его в центре! Но в странах, где поклонятся только Богу и самодержавному государю, где до Бога высоко, а до царя далеко, всегда можно идти прямо напролом! Там, где господствует рабство, отдельные люди всегда более независимы. Расскажу пару анекдотов о великом Суворове.

Когда его единственному сыну исполнилось семнадцать лет, Суворов захотел представить его императрице Екатерине. Он вошел с ним в приемную, заполненную посетителями и слугами. Всех поразили костюм юноши. Отец одел его так, как в эпоху Петра Первого обычно одевались пажи. Старик, имевший всегда свободный доступ к императрице, по своей привычке более бегать, чем ходить, проскочил вместе с сыном сквозь расступившуюся толпу придворных и схватился за ручку двери, намереваясь войти к государыне. Но вдруг столь же быстро он побежал назад в середину залы, постоял там несколько мгновений, как будто в глубоком раздумьи, и целый час водил своего сына вокруг комнаты, заставляя того кланяться по очереди всем присутствующим. Он начал с самых знатных, немного наклоняя голову сына своими отцовскими руками, словно отмеряя поклон, и постепенно увеличивая амплитуду движения по мере того, как приближался к лицам нижних классов и чинов. Дойдя, наконец, до крепостного истопника, который раздувал угли в камине, он наклонил голову юноши до самой земли. Затем он его поднял и торжественно и громко сказал, чтобы было слышно во всей зале: «Сын мой, сегодня ты начинаешь самостоятельную жизнь, не забывай великого урока, который я пожелал тебе преподать. Смотри! Эти господа (и он указал на самых знатных вельмож) уже стали тем, чем могли, те же еще всего достигнут!» При этом я вспоминаю карьеры Разумовских, Орловых, Потемкина, Зубовых и других.

В царствование Павла, когда старый фельдмаршал был уже очень дряхл, император, не доверявший ему полностью, учредил за ним присмотр. Однажды он послал к нему своего фаворита Кутайсова под предлогом осведомления о его здоровье. Этого Кутайсова царь возвысил из должности цирюльника и бравобрея до чина генерал-лейтенанта. Когда о нем доложили, фельдмаршал, лежавший больной в постели, велел одеть себя в мундир и обувь в сапоги со шпорами, сел в большое кресло и в таком наряде принял Кутайсова. И хотя Суворов неоднократно встречался с царским любимцем, он его встретил как совершенно незнакомого человека. Прикидываясь впадшим в детство, потерявшим память и соображение, он вынудил его, задавая детские вопросы и ссылаясь на свою старость и беспомощность, в то же время перечисляя все по-

ходы, где они могли бы встречаться, к мучительному признанию, что тот никогда не бывал под огнем, не совершил ни единого подвига, не нюхал пороха и, не имея собственных заслуг, а исключительно милостью монарха, достиг генеральского чина. Закончив мучения своей жертвы, Суворов притворился, будто к нему внезапно вернулось сознание и память, приветливо усадил гостя возле себя, а затем принялся со всей мочи звонить в колокольчик. Когда на этот звон прибежал рослый гайдук, он велел подать ему стоящую в углу трость и стал колотить того по спине своими слабыми руками, приговаривая: «Ах ты, мошенник, сколько лет тебя учу, пытаюсь справиться с твоей небрежностью и медлительностью, и ничего путного из тебя не сделал. Посмотри на барина, он был таким же, как ты. Стыдись, мерзавец, из тебя-то что вышло?!»

Наполеон напрасно просидел в Москве, теряя драгоценное время, всё еще надеясь вовлечь русского императора в мирные переговоры, как это ему удалось в Вене и других столицах, но в этот раз он просчитался. Мира он не дождался, зато дождался зимы и, наконец, задумался об отступлении. 20 октября начался отход из Москвы, а 23-го французы, назло русским, которых они называли варварами, взорвали древний Кремль, прекрасный исторический памятник, возведенный в полуитальянском, полуазиатском стиле. Это было одним из тех ненужных варварских действий, каковые эти самозваные цари образованности и европейской цивилизации произвели не только под Мелаесом, но уже в наши дни над сотнями священных памятников Германии. Кремль не был крепостью или военной постройкой, а представлял собой как бы дивный маленький городок в центре большого города. Отступление французов, благодаря зиме и казакам, ускорявшим их путь своими пиками, превратилось в ужасное бегство, в страшную гибель людей и лошадей, не виданных на протяжении целых тысячелетий. Русские двинулись за ними на запад. Император вскоре собирался выехать из Петербурга, и господин фон Штейн должен был раньше него прибыть в Пруссию. Он взял меня в свою карету, где мы сидели, словно медведи, закутанные в зимние меховые шубы. Из Петербурга мы выехали вечером 5 января 1813 года и уже на следующий вечер были в Пскове, городе некогда богатом и свободном, как и Новгород, но теперь стоявшем опустелым и покинутым. Здесь мы услышали печальную новость, что граф Шазо был смертельно болен нервной горячкой. Он приехал сюда по делам Немецкого легиона, поскольку в Пскове был сборный пункт пленников и перебежчиков. Однако они принесли с собой лагерную чуму (Feldpest). Несчастные юноши, истощенные трудностями длительной кампании, умирали в ноябре как мухи, распространяя вокруг себя эту заразу. Мы увидели его в лагере, на

смертном одре. За ним ходил земляк, капитан фон Тидеманн⁵³, он лежал в бреду и нас не узнал. Свидеться нам так и не пришлось. Пока мы с министром проводили время у постели больного, по недосмотру слуг у нас украли некоторые вещи, и среди прочего большой чемодан, в который я упаковал в спешке перед отъездом большую часть своих бумаг и почти всё белье. Я их больше не видел. Я потерял очень ценные бумаги, которые я не мог восстанавливать по памяти, а также дорогие для меня подарки и сувениры петербургских друзей. А из-за отсутствия белья вдвойне страдал от неизбежных укусов паразитов и насекомых в Польше. Граф Шазо, мой дорогой Шазо, мой веселый и храбрый герой, не выходил у меня из головы даже посреди снежной пустыни⁵⁴. Мой старик тоже был печален, он очень любил графа, которого любили все вокруг. Он унаследовал мужскую красоту и силу отца и при этом был истинным немцем, пылающим ненавистью к хвастливым порабощателям. В Берлине он убил на дуэли французского коменданта, позволившего себе неподобающие выражения в адрес короля. Его отец, граф Шазо фон Флоренкур, француз по происхождению, отличался красотой, гигантской силой и остроумием.

Наследный принц Фридрих Прусский познакомился с юношей во время рейнской кампании 1735 года, а король Фридрих⁵⁵ пригласил его к себе на службу. Этот граф-богатырь имел несчастье отрубить на дуэли своему противнику голову — также, уже сейчас, 1813 году, в Ростокке во время подобного поединка поступил казачий офицер со старшим сыном госпожи фон Сталь⁵⁶. И когда король сказал, что он желает видеть у себя на службе офицеров, а не палачей, граф Шазо вышел в отставку и сделался комендантом имперского города Любека. Затем он вступил в брак графиней Шметтау и имел от нее нескольких сыновей, которые позже вновь вступили на прусскую службу. Таким образом, наш покойный друг был французом по происхождению, но по духу у него словно не было ни капли французской крови.

Из Плескова (Pleskow), или Пскова, как его сокращенно называют, мы поехали на Друю, перебрались через замерзшую Двину, а затем через Видзы и

⁵³ В Русско-немецком легионе служил капитан Карл фон Тидеманн (Tiedemann).

⁵⁴ Ардт посвятил Шазо, умершему от тифа в Пскове 13 января 1813 года, одну из «солдатских песен» — «Песню о Шазо» („Das Lied vom Chasot“, 1813), где изобразил его как народного героя, «избранного», благочестивого и благородного рыцаря, не без горькой иронии воспевая француза, погибшего в борьбе за свою «немецкую Отчизну» в снежных просторах России.

⁵⁵ Фридрих II, или Фридрих Великий, известный также по прозвищу Старый Фриц (1712–1786) — король Пруссии с 1740 года.

⁵⁶ Барон Матиас Альбрехт (Альбер) де Сталь-Гольштейн (1792–1813) — офицер Королевской шведской армии, адъютант наследного принца Карла Иоганна Бернадотте Шведского, погиб на дуэли с русским офицером Норрисом на курорте Бад Доберан (округ Росток, Мекленбург) 12 июля 1813 года.

Свенцяны — на Вильну. Бедная, песчаная, малонаселенная местность, которая становится плодотворнее лишь около Вильны. Мы видели самую настоящую войну, мы были внутри нее, погружаясь всё глубже и глубже по мере того, как приближались к Вильне. Множество разрушенных, разбитых, раскрытых домов, без людей и животных, даже без единой кошки. Пустые зловещие развалины и пожарища, худые почтовые литовские лошади, загнанные до того, что мы останавливались у каждого маленького пригорка или холмика, давая им передохнуть, а ведь наши кареты стояли на полозьях, и в такие сани было запряжено от шести до восьми лошадей. Ах! У нас было достаточно времени на этом пустынном, заснеженном пути, чтобы, не торопясь, поразмыслить об ужасах этого неслыханного похода. Что мы видели? О, если бы гордый завоеватель мог плакать, как он заставляет лить слезы сотни тысяч матерей! На второй, третий и четвертый день нашего путешествия нас беспрестанно встречали ватаги пленников, которых вели назад, на восток. Какое зрелище! Оборванные, обмороженные, посиневшие от холода несчастные пожиратели конины, казалось, едва походили на людей. Они умирали на наших глазах в деревнях и перед почтовыми станциями. Больные кучей лежали в санях, укрытые соломой, умерших выбрасывали в снег на обочину. На дорогах валялись непокрытые и непогребенные трупы, словно падаль, ни одна человеческая слеза не пролилась над их предсмертной мукой. Мы видели, что некоторые из них были окровавленными обрубками, их приставляли к деревьям как страшные придорожные знаки. Они и падшие лошади размечали путь в Вильну. На такой дороге трудно было заблудиться. Наши сани ехали прямо по трупам, и лошади часто упирались, всхрапывая и вставая на дыбы. Но это был не только страх перед мертвецами, они чуяли волков, которые кружились вокруг стаями от десяти до пятнадцати голов, нахально перебежали перед нами дорогу и с наслаждением обгладывали свою добычу.

Итак, поздно вечером 11 января мы въехали в Вильну. Наш главный возок увяз в сточной канаве. Слуги побежали звать на помощь, министр пошел в ближайшую гостиницу. Я остался в санях. Напрягая последние силы и при моем личном участии, мы наконец вытащили сани из грязного снега, но тут, громыхая, на нас налетели большие сани и столкнули нас обратно в яму. Я разразился проклятиями, но ездок тех саней, которые зацепились за наш экипаж, выскочил из них и вцепился в мою грудь. Досадное происшествие закончилось радостным смехом, это оказался мой любезный друг, майор Фуль, только что прибывший из штаб-квартиры, чтобы забрать из города провиант. Он обрадовался нашему приезду, помог нам со своими людьми тронуться с места, и вскоре мы догнали министра в гостинице Мюллера, на Немецкой улице, и

после шести унылых ночей провели развеселый вечер. Но, увы, о покое можно было только мечтать. В первую ночь усталость взяла свое, но после начались мои польские мучения и польская скука. На второй день министр уехал, а мы остались дожидаться саней с поклажей из Петербурга, потом медленно ползли вслед за ним на Гродно, и вновь соединились недалеко от прусской границы.

Теперь расскажу о своих мучениях. Я поселился в роскошной зале, обтянутой шелком, украшенной большими зеркалами и гравюрами с полотен Рафаэля, производства Моргена. Постель я устроил на мягком диване. Но опять эта неопишуемая мерзость! Стены были полностью покрыты отвратительными желтыми насекомыми. Какой ужас! Впрочем, всего было вдоволь, а после отступления французов можно было достать даже хорошего вина — и венгерского, и французского.

На другой день после обеда, когда министр уехал, я отправился осматривать город. Он мне показался татарским адом. Повсюду жуткая грязь и смрад; по улицам бродили засаленные евреи и несчастные пленные, по большей мере раненые или выздоравливающие. Улицы окутывал смрадный дым, потому что перед каждым домом горели разные горючие материалы или даже обычные навозные лепешки, чтобы очистить воздух от заразы лазаретов, и эти кучи дымились день и ночь. На улицах в пыли валялись французские кокарды, грязные плюмажи, разорванные шляпы и раздавленные кивера, напоминая о попорченной гордыне тех, кто пять месяцев назад надменно щеголял ими в Вильне. Я вышел за городские ворота и несколько страшных часов бродил по предместьям Вилькомирскому и Ковенскому. Какие ужасы представились моему взору! Следы разрушения, увиденные мною в городе, попадались намного чаще, повсюду валялись голые трупы, дохлые лошади, быки, собаки, верные и несчастные спутники погибших. Множество домов стояли пустые, без полов, окон и печей, от некоторых остались только пепелища. Между этими страшными памятниками запустения бродили, словно тени, пленные и раненые. Иногда встречалась у разрушенной стены несчастная брошенная лошадь, озябшая и дрожавшая, подбирающая жалкие клочки сена. Возвращаясь в город, я встретил молодого человека, к которому я обратился с каким-то вопросом. Он оказался брабантцем и старшим хирургом при лазарете для французских пленных, размещенном в монастыре. Я пошел вместе с ним до входа в эту обитель горя, увидел монастырское кладбище, заваленное трупами, и вернулся назад. Он поведал, что из двух тысяч больных в лазарете ежедневно умирает от 50 до 80 человек. Его работа постепенно сокращается. Когда я приблизился к городским воротам, то встретил пятьдесят-шестьдесят саней, с горой трупов, убранных из госпиталей и общественных мест. Их везли как

возят дрова; они окоченели от мороза и высохли от холода, как бревна, и послужат плохой пищей червям и рыбам (ибо многие из них были сброшены в проруби). Всего отвратительнее мне показалось, что на коже этих несчастных виднелись следы вшей, подобные следам от муравьев возле муравейника. Человеческое тело имело жалкий вид — тело, которое в момент рождения было встречено радостью и вскормлено любовью. А потом во цвете лет вырвано жестоким завоевателем из круга друзей и близких и теперь лежало без всякого внимания, со свесившейся до земли головой и поднятыми к небу ногами, без всякого прикрытия, даже без того, что предписывает скрывать человеческий стыд.

13 января была ясная и не слишком холодная погода. Приветливое солнце снова выманило меня на прогулку, и я вышел из города теперь уже за другие ворота, прошелся вдоль речки Вилия, на которой расположен город. За воротами я увидел множество сломанных французских обозных телег и пушечных лафетов, пустых и ограбленных домов; на дороге — шляпы, шапки, кокарды, трупы, павшие лошади. В большинстве случаев трупы были убраны, но за валунами, под столбами мостов и за кустами их было забыто немало, и волки, по-видимому, время от времени принимались их грызть. Меня поразили один раненый пленный, бледный и согнутый, который, хромя, шел передо мной. Казалось, он только что вышел из лазарета или направлялся туда. Он остановился перед одним из трупов и стал его рассматривать, трогая палкой. Именно так, неподвижно и безразлично, человек заглядывает в лицо своей судьбе. Возможно, застыв от горя, он делал так ежедневно, даже не пытаясь найти для себя чего-то иного, какой-либо радости или лучшей доли. Когда он стоял возле трупа своего товарища, а я на него смотрел, с горы раздались звуки пения, затем появился гроб, который несли совершенно как прежде, с христианским благочестием люди в траурной одежде, их сопровождал священник. А под нами течением сносило сани, увозившие нечистоты и трупы. Невольно я забрел во двор большого строения — его комнаты, конюшни, обломки изящных печей и обоев указывали, что недавно здесь обитали знатные жильцы. Всё внутри было изодрано и разбито, половицы обгорели, повсюду валялись черепки, кости, остатки амуниции, шляп, шапок, плюмажа, наконец, в отдаленной маленькой комнате я нашел у камина полуизжаренный труп. Несчастный, возможно, полз к теплу, как червяк к свету, потерял сознание и умер тут же, в огне.

Похожим образом возле сторожевых огней были найдены трупы многих людей, которые, желая согреться, в предсмертном полузабытьи слишком близко подобрались к огню и сгорели заживо. Меня охватил ужас, словно средь

бела дня я увидел приведение, и я бежал из запустелых стен. Тем же вечером я увидел в городе еще одно жуткое зрелище. Я вышел из дому, чтобы взглянуть на прибывающую и проходящую мимо толпу русских ополченцев, польских крестьян и евреев. И вдруг я услышал пение, раздававшееся от Минских ворот, над которыми совершалось богослужение. Я незаметно приблизился, несколько минут вслушивался, а когда возвращался, забрел через калитку на какое-то кладбище. Сначала я увидел церковь, потом верхние окна или скорее пустые глазницы строения, окружающего кладбище и похожего на монастырь или семинарию. Я приблизился, и что же я увидел? Трупы, нагроможденные друг на друга, в нескольких местах настолько высоко, что они возвышались до окон второго этажа. Тут определенно было не менее тысячи трупов, целая вымершая больница. Во всем просторном здании ни одного целого оконца, ни единой живой души, только собака, обнюхивающая стены. К счастью, трескучий мороз приглушил зловонные испарения, которые в противном случае сделали бы недоступной эту обитель скорби и ужаса. Подобные горы трупов могли бы образоваться после кровавых битв и во Франции, и в Германии, но нужны были польская экономика и год, подобный 1812 году, чтобы они в таком безобразном виде оставались выставленными напоказ. Но как я мог удивляться этим башням из нагроможденных трупов? Не стояли ли наши сани под навесом в гостинице Мюллера, на Немецкой улице, на трупе какого-то француза, в полной амуниции, втопанного в навоз и солому? Так велико было бедствие нашей эпохи, так бесчеловечны грязь и беззаботность!

Вильна кишит евреями. Я хотел закупить некоторые мелочи, которые у меня украли в Пскове, и был вынужден таскаться по их лавкам. Я посчитал, что их лица и фигуры в Литве менее привлекательны, чем в южной Польше. Евреи показали себя в этой войне истинно русскими, их сердце было с Россией, не то что у поляков, ибо хваленая польская свобода не обеспечивала гарантии их собственности, коими они пользуются под русским скипетром. У них, по-видимому, было чуткое политическое чутье, они с самого начала отнеслись враждебно к французам и, несмотря на денежные соблазны, в большинстве случаев не соглашались быть шпионами и изменниками. В Вильне при вступлении русских они храбро сражались против французов, отважно преследовали их воинственными криками, несколько сотен из них были убиты и захвачены в плен. Добыча, которую они здесь отняли от всемирных грабителей, золото и товары, которые они выменяли и скупили у казаков, как говорят, составили громадную ценность.

Вечером 14 января я выехал из города через Минские ворота по направлению к Гродно. Луна и здесь освещала поле трупов. На протяжении полу-

мили лежали замерзшие и убитые, бок о бок, кучами по тридцать-пятьдесят человек; возле каждой дохлой лошади валялись всегда пара-тройка трупов. Вот наши сани скользнули по человеческим костям. Тут же в лесах я видел огромное количество волков. Это было через пять недель после занятия Вильны русскими. Таково было ужасное воспоминание, вынесенное мной из Вильны.

Местность между Вильной и Гродно показалась мне более плодородной и лучше обработанной, чем между Псковом и Вильной. И опустошительная война оставила тут следы не столь тяжкие. Гродно — милый городок. Я там был лишь несколько часов и ночью доехал до главной императорской квартиры, где нашел своего начальника и, наконец, выспался как король в хорошо протопленной крестьянской избе и на паре найденных стульев.

17 января мы добрались до прусского городка Лыка и остановились в здании местного управления. Был лютый холод и голодный вечер, поскольку людей там было больше, чем запаса продуктов. И всё же как радостно вновь оказаться среди немцев, которые в предчувствии счастья, не разделяя своих и чужих, встречали нас с веселыми лицами. 18 января возок наш ехал до глубокой ночи по прусским лесам и замерзшим озерам, на ночлег мы остановились на постоялом дворе. 19 января рано утром мы прибыли в Гумбиннен к начальнику окружного управления, регирунгс-президенту господину фон Шёну⁵⁷, провели там целый день и всю ночь. Он встретил нас бурным восторгом. Этот достойный человек был старым другом министра. Они обменялись новостями, поведали друг другу анекдоты о бежавших французских маршалах и интендантах, пропущенных через Гумбиннен в Кёнигсберг. Шён опасался, что пруссаки однажды ночью возьмутся за оружие и прикончат всех французов. Что бы в таком случае сделали французы с немцами, живущими во Франции? Вряд ли бы они легко отделались. А ведь в прежние времена, несколько сотен лет назад, германцы не были столь покорны. И что бы тогда стало? И всё же маршалы были расквартированы в лучших домах; правда, некоторые из них и другие высшие офицеры тайком разослали своих слуг разыскать дома похуже и победнее, будто там можно было спрятаться, а тем временем, опасаясь нападений и краж, оплачивали свой ночлег прусскими золотыми фридрихс-дорами.

К вечеру 21 января 1813 года мы наконец приехали в столицу Пруссии город Кёнигсберг. Штейн собрал прусских высших чиновников и уважаемых лю-

⁵⁷ Генрих Теодор фон Шён (Schön, 1773–1856), прусский государственный деятель, один из деятельных сотрудников Штейна в эпоху реформирования Пруссии, с 1809 года — регирунгс-президент города Гумбиннена, участник организации ландсвера (прусского ополчения).

дей⁵⁸, среди них был бывший министр граф Александр цу Дона⁵⁹ и президент фон Шён. Он говорил с ними от имени и по поручению русского императора Александра, но таким образом и с таким вниманием и почтением к ним всем, что все решили, будто прусский король является другом и союзником императора. Страна не будет захвачена, но лишь освобождена. В эти дни в окрестности города вошли войска князя Витгенштейна⁶⁰ и генерала Йорка, который заключил с русскими известный договор⁶¹. Всё это подало повод к ликованиям и торжествам, которые, впрочем, имели темную и мрачную изнанку, поскольку и Пруссию не миновали ни нужда, ни беды. Лазареты были переполнены ранеными и пленными французами, были открыты специальные лазареты для русских и для пруссаков, тех, кто сопровождал несчастных пленников назад на восток. И здесь скрипели по переулкам тихие похоронные кареты, а многие из жителей стали жертвами эпидемий. Так посреди упоения свободой от порабощения подкрадывались, словно плохие парни, горе и смерть.

Информация о переводчике: И. Н. Лагутина — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the translator: I. N. Lagutina — DSc in Philology, Professor, Principal Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

⁵⁸ Ардт описывает знаменитое собрание генеральной дирекции Восточной Пруссии (Ostpreussische Generallandschaftsdirektion), состоявшееся 21 января (5 февраля) 1813 года в Кёнигсберге, на котором присутствовало 64 делегата сословных представителей и где обсуждались вопросы участия Пруссии в борьбе с Наполеоном. Через два дня Клаузевиц, цу Дона и Йорк внесли в ландстаг предложение о ландсвере, принятое единогласно.

⁵⁹ Граф Фридрих Фердинанд Александр цу Дона-Шлобиттен (Dohna-Schlobitten, 1771–1831) — прусский политический деятель, будучи в 1807–1808 годах министром внутренних дел, поддерживал реформы Штейна, в 1813 году играл ведущую роль в формировании ландсвера.

⁶⁰ Корпус П. Х. Витгенштейна освободил Кёнигсберг 24 декабря 1812 года (5 января 1813 года).

⁶¹ Имеется в виду Таурогенская конвенция — договор, заключенный без разрешения прусского короля, близ местечка Тауроген (Литва) 30 декабря 1812 года, между прусским генералом графом Иоганном Давидом Людвигом Йорком фон Вартенбургом (1759–1830), который командовал прусским вспомогательным корпусом в армии Наполеона, и российским генералом И. И. Дибичем, о взаимном нейтралитете в последние дни Отечественной войны 1812 года. В 1813 году Йорк командовал прусским корпусом в объединенной русско-прусской армии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 18.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022.